

КАРМАННЫЙ ДЕТЕКТИВ

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

Юлия Андреева

Tresor
Ее Величества

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРГОДЕЦ

Клуб классического детектива

Юлия Андреева

**Tresor Ее Величества. Следствие
ведет Степан Шешковский**

ИД «Городец»

2020

УДК 821.111-312.9
ББК 84(2 Рос-Рус)

Андреева Ю. И.

Tresor Ее Величества. Следствие ведет Степан Шешковский /
Ю. И. Андреева — ИД «Городец», 2020 — (Клуб классического
детектива)

ISBN 978-5-907220-47-8

Представляем новый детектив Юлии Андреевой, мастера исторического романа, автора популярных книг: «Последний рыцарь Тулузы», «Палач, сын палача», «Фридрих Барбароса» и многих других. Как связаны между собой похищенная фрейлина, обезглавленная служанка и пропавший девять лет назад жемчуг императрицы? Все это предстоит расследовать шестнадцатилетнему дознавателю Степану Шешковскому, чья злосчастная звезда вот-вот взойдет на небосводе российского сыска.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(2 Рос-Рус)

ISBN 978-5-907220-47-8

© Андреева Ю. И., 2020
© ИД «Городец», 2020

Содержание

Глава 1. Движения луны	6
Глава 2. Гадание	9
Глава 3. Ночные кареты	15
Глава 4. Дусенька	20
Глава 5. Роза и жемчуг	24
Глава 6. Ушаков	28
Глава 7. Начало следствия	33
Глава 8. Розан и розги	36
Глава 9. Айдархан	38
Глава 10. Тяжело в ученье	45
Глава 11. Фредерика	48
Глава 12. Мечта	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Юлия Андреева
Тresor ее величества
(Следствие ведет Степан Шешковский)

© ИД «Городец», 2020

© Андреева Ю., 2020

Глава 1. Движения луны

ЗА ОКНОМ КАРЕТЫ – факелы сопровождающих: так близко, что захочешь, а ничегошеньки не разглядишь за рыжим, мелькающим перед глазами, пламенем. А ведь там на небе полная луна, огромная и круглолицая, прекрасная, как сидящая в карете женщина. Помыслы у луны странные, брюхата луна или просто полная, кто ж ее разберет, небесную владычицу, песни слагает, богу молится или ищет среди черных ночных облаков своего суженого. В карете двое: красивый темноволосый мужчина тридцати четырех лет от роду и рыжеволосая женщина, лунолика барыня под стать самой луне. Мысли у барыни странные, а помыслы... то ли о собственном потомстве Бога молит, то ли, не надеясь на чудо, названному, объявленному наследнику невесту подыскивает. Полна дама, в самом соку, да только не беременна, уж и в паломничества по дальним монастырям ездила, и на воды лечебные, а все без толку. Ох и нужно же это простое бабье чудо рыжеволосой тридцатичетырехлетней красавице, да вот не шлет Господь ей ни сына, ни дочки. Все у барыньки есть, всего вдосталь, на золоте кушает, на шелках почивать изволит, тюфяки лебяжьего пуха, а платьев-то, платьев... на три жизни хватит, и еще останется. И любовь у нее есть, статный красавец, от одного взгляда которого можно разу ма лишиться, за один поцелуй черту душу продать. Верный, любящий, заботливый, уж почитай пятнадцать лет вместе, а ни на одну постороннюю ветреницу не загляделся, ни одной прелестнице воздушного поцелуя не послал. Одно непонятно: как, имея все, о чем другие и помыслить не решаются, нет у них самого главного – их продолжения, ребенка.

Луна заметила с высоты карету, да тишком и пошла за ней, подглядеть, как люди живут, о чем мечтают, как свои дела обдeldывают. Интересно же. С неба факелы сопровождающих хорошо видны, да и российские дороги, чай, не дикие пустоши, не густые рощи-дубравы, едва стемнеет, на королевском тракте караульные на каждой версте зажигают по бочке с горячей смолой. Далеко видать. Впрочем, карета уже съехала с основной дороги и держит теперь путь в сторону лесного озера, но то луне не помеха: знает матушка-луна в лесу каждую тропку, а тут и вовсе просто, к дому колдуна местного движется карета. К тому, кто дорогу в будущее ведает и краткий путь в обход судьбе показать может.

– Ох и страшно же мне, Алешенька¹, ох и боязно, – тихо шепчет барыня, прижимаясь к плечу супруга. – Боюсь, не дело мы затеяли, за цельную жизнь ведь не отмолим.

– Повернуть еще не поздно.

– Вот если бы этот колдун теперича амулет какой дал или снадобье, чтобы у нас собственный ребенок родился, озолотила бы, в графы вывела. За такое дело ничего не жалко, а так, ради этого негодника...

В карете тепло, куда ни сунься – соболя, хоть накрывайся ими точно плащом, хоть ныряй с головой в нежный меховой омут. На мягких упругих сидениях – толстые матрасы, индийским муслином обитые.

– Петр Федорович² объявлен законным наследником, а наследника нужно женить. Стало быть, все правильно делаем, по закону.

– А что коли я, несмотря ни на что, рожу? Что тогда с этим Петрушей, прости господи, делать? – причитает красавица. – Вот итальянский лекарь приедет и вылечит. Куда мы, скажи

¹ Граф *Алексей Григорьевич Разумовский*, при рождении Алексей Розум (17 марта 1709, с. Лемешы Козелецкой сотни Киевского полка (ныне Козелецкого района Черниговской области Украины) – 6 июня 1771, Санкт-Петербург) – днепроровский казак, фаворит (по не подтвержденным документально сведениям тайный супруг) императрицы Елизаветы Петровны. Старший брат Кирилла Разумовского, первый хозяин Аничкова дворца, генерал-фельдмаршал русской армии (1756).

² *Петр III Федорович*, урожденный Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский (21 февраля 1762, Киль – 17 июля 1762, Ропша) – российский император в 1762, первый представитель Гольштейн-Готторпской (Ольденбургской) ветви Романовых на русском престоле. С 1745 года – владетельный герцог Гольштейна.

на милость, тогда этого оболтуса с благоверной его денем? Ой, напрасно я тебя тогда послушалась. Пожили бы еще сколько-нибудь без наследника, надавили бы как следует, может, Святейший наш брак законным бы признал, а тогда уже пред Богом и людьми ты мой наследник, Алешенька! Ты и никто другой. Померла бы бездетной, и ты девушку за себя молоденькую взял. Чтоб хорошего рода была, крепкого, чтобы дядя, братья сразу же встали на твою защиту. И тогда...

– Сколько раз повторять, не нужны мне другие женщины, Лизонька³. Не будет никого. Да и ты себя раньше времени не хорони, не рви мне сердца. А о Петре не думай, не повредит нашему счастью этот мальчик, он и теперь не более чем ширма. Не может страна без достойного наследника, смута начнется. Народ свое будущее должен видеть. Есть мальчик, вырастет, будет царем. Нет наследника – нет будущего, разброд и шатание. А вот родишь мне сына, тогда по-другому поговорим. Объявим Петра Федоровича сумасшедшим, сошлем в дальний монастырь, ты ведь у меня – душа безгрешная, все одно умертвить голштинца не позволишь, стало быть, жить будет. Да хоть на родину отправится, под крылышко своего любимого Фридриха⁴. Еще и благодарить тебя опосля станет, за привет да ласку. И от нареченной его избавимся, дай срок. Но только пока что потерпеть их малость придется. И не нужно ничего пугаться: может быть, колдун нам про ребенка сейчас и расскажет что делать, присоветует. Карета повернула, стало быть, уже близко, сейчас по левому берегу озерцо объедем, и на месте.

– Хорошо бы, конечно, если бы он сейчас все за раз и выложил, Леший этот, я ведь уже думу думала, может, зазря я Ивана⁵, от родителей оторвав, другим не отдала. Может, Господь мне этого ребенка посылал, а я и проглядела? В крепости, под замком держу. Разве ж это по-людски?

– Другая бы, не раздумывая, приказала удушить волчонка, а ты ему жизнь подарила. Какую ни есть, а ведь жизнь...

– Не знаю, не ведаю, за что тогда Господь карает рабу свою. За всю жизнь всего два раза и любила. Первый раз своего жениха, так он помер аж на венчание, мне на память даже подарков от него оставить не позволили, потому как черная оспа, и все сожгли; и второй раз, когда тебя в божьем храме увидала, когда голос твой ангельский услышала...

– Нашла что вспомнить, голос давно сломался.

– А я до сих пор его слышу, Алешенька. Вот когда мне хорошо, и слышу, точно музыка херувимская сопровождает меня, и ты – ангел мой – поешь мне тихохонько, чтобы другие ненароком не услышали.

Экипаж остановился, дверь распахнулась, кто-то из сопровождающих спустил приставную лесенку. И вскоре из кареты вышел сначала, кутающийся в черный плащ, статный мужчина, а после, опершись на его руку, женщина. Шитые золотом изящные башмачки на каблучках, должно быть, впервые соприкоснулись с осенней, начавшей раскисать, проселочной дорогой.

Высокий, должно быть, побеленный забор не давал возможности рассмотреть дом, у калитки стоял здоровенный седобородый мужик в меховой безрукавке поверх чистой рубахи. По всему видно ждал. Серые волосы аккуратно расчесаны на прямой ровный пробор, борода лица колдуна, должно быть, длинная и сивая, как старое мочало, по случаю приема гостей

³ *Елизавета I Петровна* (18 (29) декабря 1709, Коломенское – 25 декабря 1761 (5 января 1762), Санкт-Петербург) – российская императрица из династии Романовых с 25 ноября (6 декабря) 1741 года, младшая дочь Петра I и Екатерины I, рожденная за два года до их вступления в брак.

⁴ *Фридрих II, или Фридрих Великий*, известный также по прозвищу Старый Фриц (24 января 1712, Берлин – 17 августа 1786, Сан-Суси, Потсдам) – король Пруссии с 1740 года. Яркий представитель просвещенного абсолютизма, основоположник прусскогерманской государственности.

⁵ *Иван VI* (Иоанн Антонович) (12 (23) августа 1740, Санкт-Петербург – 5 (16) июля 1764, Шлиссельбург) – российский император из Брауншвейгской ветви династии Романовых с октября 1740 года по ноябрь 1741 года, правнук Ивана V.

была заложена за ворот безрукавки, так что казалось, будто бы она вполне себе ухожена и невелика. Острый прямой нос на худом нервном лице и впалые глаза придавали сходство скорее не с птицей, а с покрытой прошлогодней сухой травой корягой, непропорционально длинные ручищи с узловатыми пальцами добавляли сходство. В общем, лешачью породу захочешь – не спрячешь, а этот не сильно и старался.

– Надеюсь, твой человек не раскрыл ему, какие гости пожалуют? – Опираясь на руку кавалера, барыня смело направилась к колдуну.

– Сказали, богатые помещики будут... – Алексей Григорьевич оглядел себя и свою спутницу, оба были одеты в добротные дорожные платья без украшений, на нем камзол и плащ, на Елизавете темный капор, с чего бы деревенщине признать, кто явился к нему на ночь глядя.

Глава 2. Гадание

ЗА СПИНОЙ ЛУНОЛИКОЙ дамы стояла полная луна. Колдун взглянул на луну, кивнул даме и, низко поклонившись, пригласил гостей в дом. Дама благосклонно улыбнулась и, бросив лукавый взгляд на луну, вошла во двор, куда перед ней уже проскочила пара сопровождающих их молодых людей, мало ли какие звери-оборотни проживают вместе с опасным колдуном. Будь они хоть львы, хоть медведи, хоть чудища неведомые – прямой долг офицеров защитить свою госпожу. Тем более, если и офицеры не из последних и сопровождают не какую-то там барыню-боярыню, а впрочем... господа же велели секрет держать, тайну инкогнито не раскрывать.

На дворе не оказалось даже собаки, и только влюбленный в луну кот бесшумно шествовал по крыше, встречая свою высокую гостью.

В полупустой горнице, куда пригласил гостей колдун, вдоль стен стояли длинные застланные домоткаными полосатыми ковриками лавки, такой же коврик-дорожка на полу, посередине пустой длинный стол, явно рассчитанный на большую семью. По стенам развешаны пучки трав на просушку.

– Говорят, ты можешь узреть грядущее. Так ли это али брешут? – начал разговор гость. – А что коли ты морок наводишь, любезный? Как проверить?

– Сами все и увидите, – пожал плечами старик. – Вы ведь, господа хорошие, про себя да своих близких вопрошать желаете, так нешто как они выглядят не знаете? В чем обман, коли своими глазами все будете наблюдать?

– Хорошо. Что от нас требуется? Анна Васильевна⁶, что давеча у тебя была, сказывала, ты вещь ее пропавшей племянницы, о которой она вопрошала, потребовал. Так мы тоже привезли...

– Вещь понадобилась как раз оттого, что ваша знакомая свою племянницу в последний раз на ее святых крестинах видела и усомнилась, ее ли образ, я ей в подводном зеркале вывел. Запутанная там история и весьма паскудная. Ту девицу, что нам показали, похитили и, похоже, убили или в ближайшем времени убьют. Но Анна Васильевна как труп углядела, тут же сказала, что поскольку опознать его не в силах, и домоправительница Софья, что с ней приезжала, также барышни не видела, то пока все не прояснится, будет считать, что родственница ее жива и молиться о здравии. Тогда я и присоветовал какую-нибудь ее вещь привезти, чтобы наверняка. Потому как я, конечно, могу и могилу показать, да только коли не та девушка, коли сомнения есть, к чему же барыне за чужую покойницу золотом платить?

– Вот горе-то какое, девушку убили. Я бы на месте Анны Васильевны все равно расспросила что да где. Будет теперь душа неприкаянная по земле бродить. Грех-то какой! – закручинилась гостья. – Впрочем, может, Анна Васильевна мало денег с собой взяла или еще что... Труп, говоришь, показал? Как она выдержала-то, бедная? Не один раз, поди, флакон с нюхательной солью доставала. Но да, действительно, бог с ними всеми. Поведай, мил человек, что от нас понадобится?

– Для начала объясните, что узнать желаете? Кого увидеть? Тогда и решу что да как. Только упреждаю, за каждый вопрос плата отдельная, и деньги чтоб вперед.

– Об этом не тревожься. – Алексей Григорьевич положил на стол первый кошелек, сев подле своей спутницы. – Говори, Лиза.

– Есть у меня, у нас племянник, – барыня покосилась на Алексея Григорьевича, не обиделся ли, и продолжила. – Юноша, наследник, православного вероисповедания, по имени Петр.

⁶ Анна Васильевна (1729–1799) – дочь петербургского генерал-полицмейстера Салтыкова Василия Федоровича, жена князя Гагарина Матвея Алексеевича.

Вот, хотим ему невесту подыскать. Чтобы плодная была, здоровая и... чтобы польза от нее, а не вред... Признаться, я сама уже выбор сделала. Так что всех девиц смотреть не будем, ну их в самом деле. Только одну. Ее портрет нам привозили, с семьей я несколько лет тому назад была знакома. Родителям я уже и отписала. Матушка ее обещалась доставить, в начале зимы ждем, а там даст бог и свадебку сыграем.

Слушая гостью, колдун вытер чистой тряпицей стол и положил на него неожиданно богато украшенное массивной серебряной рамой зеркало, залив его сверху водой. Справа и слева от зеркала он установил по свече в чугунных подсвечниках и, прошептав что-то, ткнул в центр импровизированного озера пальцем.

– Как, говоришь, зовут невестушку вашего Петеньки?

– София Августа Фредерика⁷, – выдавила из себя гостя, вдруг вскрикнув и схватив своего спутника за руку. Из воды на них смотрела миловидная девица с ясными спокойными глазами и высоким лбом. – Гляди, гляди, Алешенька, это же... Ты портрет помнишь?

– Помню, матушка! – Алексей Григорьевич протер глаза, но изображение не исчезло. – Там она вроде в красном платье изображена, и волосы были наверх зачесаны, а тут...

– Точно, коса, да и сама не столь высокомерна и горда. Ну, удивил так удивил, Леший!

– Из немцев, что ли? – Колдун почесал затылок. – Ну, коли признали, тогда, – он плюнул на палец и вдруг щелкнул по изображению, да так, что брызги полетели, а девушка вдруг чихнула и недовольно почесала нос.

– Как вы ведете себя, Фикхен! Такой ли хочет видеть вас ваш жених?

В зеркале появилась худошавая моложавая дама⁸ в папильотках, поверх которых был надет полупрозрачный чепец. Дама говорила по-немецки, так что колдун ничего не понял, а может, сделал вид, что не понимает.

– Боже, Алешенька, как герцогиня похожа на своего брата! Одно лицо! – воскликнула Елизавета, невольно прикрывая рот ладонью.

– Может, не будем смотреть? Вот как ты разволновалась. Да и я, признаться, натерпелся ужо страху. Слышишь, пойдем отсюда, пока не поздно.

– Никуда мы не пойдем, раз так дело повернулось. Уж я потерплю, больше кричать не стану. Теперь самая она, правда, и раскрывается. Прости уж меня, касатик. Смотри, вот она снова появилась, невеста Петрушина.

– Как ты думаешь, он изменился? – Девушка позволила служанке завязать себе чепец и сама надела халат.

– Когда человек вдруг возносится на такую высоту, он неминуемо меняется. – Мать достала из специального ящичка крем и, задумавшись, начала втирать его себе в щеки.

– Интересно, сумеем мы когда-нибудь полюбить друг друга? – Девушка взяла со столика небольшое зеркало, в котором вдруг вместо ее лица отразилось лицо склоненной перед магическим зеркалом Елизаветы. Испугавшись, они одновременно отпрянули от стекол, и подоспевший на помощь колдун спешно тряхнул узорчатую раму, так что по изображению пошла рябь.

– Главное, чтобы ты приглянулась Лизхен, – донесся из-под воды голос матери. – Уверена, что он пляшет под ее дудку. Впрочем, жениху тоже необходимо понравиться.

– А вы научите меня, как понравиться Петру Федоровичу?

– Петру Федоровичу! Полагаю, по этому имени его называют только в официальных бумагах, тогда как для своих приближенных и, разумеется, будущей жены он, как и прежде,

⁷ *Екатерина II Алексеевна Великая*, урожденная София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, в православии Екатерина Алексеевна (21 апреля (2 мая) 1729, Штеттин, Пруссия – 6 (17) ноября 1796, Зимний дворец, Петербург) – императрица Всероссийская с 1762 по 1796 гг.

⁸ *Иоганна-Елизавета Гольштейн-Готторпская* (24 октября 1712 – 30 мая 1760) – мать императрицы Екатерины Великой, дочь любекского князя Христиана Августа, принцесса Гольштейн-Готторпского дома, супруга владетельного князя Ангальт-Цербстского.

Карл Петер Ульрих. Когда он предал веру своих отцов, вашего батюшку чуть удар не хватил. Предупреждаю, если вы произведете благоприятное впечатление на Лизхен, а я всегда буду ее так называть, вам также придется отречься от нашей веры. По крайней мере, на первых порах.

– Как меня тогда будут называть?

– В православие есть имя София. Кроме того, русские добавляют имя отца, твоего отца зовут Христиан Август⁹, стало быть, тебя могут называть София Христиановна или София Августовна. Впрочем, у Лизхен хватит бесстыдства подобрать тебе имя на свой вкус.

И все же это непостижимо. Лизхен, рыжая Лизхен, чуть было не стала женой моего родного брата! Сейчас бы у них были дети старше тебя, я называла бы ее дражайшей сестрой, а ты любезной тетушкой.

– Пока эти дамы пользуются зеркалами, мы рискуем создать нежелательный коридор. – Колдун еще раз потрянул раму, так что появившееся было изображение тотчас снова скрылось под рябью.

– Еще немного, миленький. Озолочу! – взвывла гостья и, оттолкнув хозяина дома, впиалась взглядом в готовящихся ко сну мать и дочь. Теперь девушка сидела на высокой кровати.

– В любом случае наш возлюбленный монарх, великий император Фридрих, ссудил нас с тобой деньгами на дорогу и приказал сшить тебе и, разумеется, мне по паре платьев. Мы должны произвести достойное впечатление на Русский двор.

– Пару платьев?! – хмыкнула Елизавета. – Воистину дар, достойный великого мужеложца!

– Да уж, – улыбнулся Алексей Григорьевич.

– Его Величество уверил меня, что его люди при дворе Лизхен постоянно доносят, что привычки наследника остаются прежними, и он, несмотря на изменение своего положения, все еще считает себя скорее хозяином Голштинии и преданным слугой короля Фридриха, нежели будущим российским самодержцем. Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский ненавидит и свое новое имя, и навязанную ему религию, и только и ждет, когда его тетка помрет, дабы самому занять престол и сделать из надоевшей всем старой России новую просвещенную и современную во всех отношениях Голштинию.

– Это очень неразумно, на мой взгляд. – Девушка украдкой заглянула в зеркало и, снова встретившись глазами с Елизаветой, на этот раз пересилила себя и не отбросила зеркало. Изображение моментально исчезло, но София Фредерика продолжала попытки увидеть наблюдающую за нею незнакомку. Она то отворачивала от себя зеркало, делая вид, будто бы позабыла о нем, то снова резко поворачивала его к себе.

– Что же тут неразумного? Имей в виду, я поручилась за тебя перед Его Величеством. Я сказала, что ты сделаешь все возможное, дабы понравиться Елизавете, а когда ты, с божьей помощью, войдешь в августейшую семью, ты продолжишь быть верноподданной Его Величества. Так что, когда к тебе обратятся от имени нашего добрейшего короля, ты почтешь за величайшую честь послужить твоей родине. Твой долг...

– Мерзкая предательница! – Елизавета поднялась, тяжело дыша, и колдун тут же подал ей кружку воды. – К черту немок, к черту все семейство! Пусть выбирает полячку, француженку, кого угодно, сил моих больше нет!

– Нет! – в друг отозвалось зеркало. И Елизавета увидела, как хрупкая девушка спрыгнула с постели и подбежала к матери. – Но ведь это форменная глупость! Россия больше и намного сильнее Пруссии и Голштинии, вместе взятых, Российская империя – огромная держава. Какой

⁹ Христиан Август Ангальт-Цербстский (29 ноября 1690, Дорнбург – 16 марта 1747, Цербст) – князь Ангальт-Дорнбургский в 1704–1742 гг. (совместно с братьями), князь Ангальт-Цербстский с 7 ноября 1742 года (совместно со старшим братом до 1746 года), прусский генерал-фельдмаршал (1742), отец Екатерины II.

смысл подчиняться Фридриху, будучи принцем или принцессой русских? Тем более взойдя на престол?

– Замолчите! Что вы можете понимать в политике, глупая девчонка! Весь мир знает – немцы непобедимые воины! Великий Фридрих говорит, что ваш жених дал обещание его посланцам, что когда он станет русским императором, он отменит православие, упразднит церкви и монастыри и насадит лютеранскую веру.

– Но это и погубит его! – не унималась девушка. – Спросите кого угодно, кто такие русские, и вам ответят – православные! Если Карл Петер сделает такую глупость, в стране поднимется мятеж, который невозможно будет подавить всеми воинскими силами короля Фридриха. Да и не пришлет Его Величество свои войска, станет он из-за глупости Карла Петера Ульриха рисковать своей армией?!

– Но Его Величеству Фридриху виднее, что лучше для России, а что нет.

– Когда я стану женой Петра Федоровича, не Карла Петера, а Петра Федоровича, я не пожалею сил, чтобы отговорить его от столь губительной идеи, и сделаю все возможное, чтобы он утратил свою детскую веру в добрейшего короля Фридриха.

Звонкая пощечина закончила объяснения между матерью и дочерью.

– Если ты позволишь, я бы сказал, что девочка совсем не глупа. Она умная и смелая. – Алексей Григорьевич поднялся с места и прошелся по горнице. – Я считаю, что дам нужно принять со всем радушием. В любом случае вы ведь не обязаны венчать Петра с этой его невестой в первый же вечер.

– План Фридриха относительно Петра Федоровича настолько нелеп, что я бы даже не дерзнула выносить сие на обсуждение совета, – помедлив, продолжила Елизавета. – Не исключено, что он существует исключительно в дурной голове Иоганны. Можем мы увидеть встречу этой дамы с императором Фридрихом, будь он неладен? Наши люди докладывают, что герцогиня много лет тайно влюблена в своего монарха.

По знаку Елизаветы Алексей Григорьевич положил перед колдуном второй кошелек. Изображение заплясало, и тут же на глади зеркала появилась одетая в скромное платье темного шелка Иоганна. Женщина поцеловала протянутую ей для поцелуя руку и тут же подняла на своего короля полные восторга глаза.

– Вы отправитесь в Россию вдвоем с дочерью. Вам не нужна пышная свита, и мужа своего, дурака и нытика, оставьте дома. Служанок найдете на постоянных дворах, лучше, если обойдетесь вообще без прислуги, недопустимо, чтобы чужие люди рылись в ваших бумагах. Вы будете путешествовать как графини Рейнбек, ничем не приметное имя, и поведение ваше в пути должно тому соответствовать. Ваши документы уже готовы. В пути вы можете поиздержаться, поэтому мой казначей выдаст вам сто талеров сейчас, и еще вы получите по дороге. Не стоит возить с собой слишком большую сумму. Это привлечет к вам воров, и бог ведает, что вы станете делать, если вас ограбят. Ваш путь пройдет, – он подвел Иоганну к столу, на котором лежала карта, – вот через эти города. Останавливаться будете на отмеченных здесь постоянных дворах. Здесь и здесь вам передадут еще деньги и дальнейшие инструкции. Вы сошьете несколько платьев для дочери и себя. Надеюсь, ваша София Фредерика девственница? Там ее подвергнут осмотру.

– Разумеется, Ваше Величество. София Фредерика чиста и непорочна. Кроме того, она умна и весьма начитана для своих лет, изучает философию и физику.

– Это похвально, – король задумался, – при русском дворе ей придется блеснуть не только красотой, но и умом. Вы уже не успеете нанять русского учителя, так что я дам ей книгу, по которой она сможет заниматься в дороге. Будет очень мило, если она в первый же день заговорит с императрицей на русском, и сделает это по возможности правильно. Помните, я однажды видел вашу дочь, но не разговаривал с ней и не могу составить представления относительно ее ума или здоровья, поэтому не лгите мне, на кону достаточно большая ставка.

– Я не посмела бы...

– Она стройна? Не кривая? Не косая? Слышит хорошо? Поймите, на сегодняшний день Россия сделалась одной из самых сильных держав, Елизавету Петровну не соблазнить ни богатым приданым невесты, ни перспективой союзнического договора. От жены своего наследника она потребует одного – родить будущего российского императора. А лучше, если детей будет много. Ее осматривал медикус? Что он говорит о способности вашей дочери к деторождению?

– О да, о да, доктор считает, что София Фредерика буквально создана для того, чтобы быть матерью.

– Надеюсь, что такого же мнения будут и русские эскулапы. Хуже, если осмотр поручат лейб-медику Ее Императорского Величества графу Лестоку¹⁰, как известно, он находится на содержании у французского монарха, и для него наша Фредерика – кость в горле. Остерегайтесь этого человека, по нашим сведениям, он сделает все возможное, чтобы императрица отдала предпочтение француженке.

– А известно ли, каких женщин предпочитает Его Высочество? – Иоганна заметно нервничала.

– Мне докладывают, что его сердце склоняется скорее к польской принцессе, но у нее наименьшее число козырей. Если они выберут датскую Луизу... – Король прошелся по комнате, заложив руки за спину, не смея пошевелиться, Иоганна следила за передвижением своего государя, боясь пропустить слово или даже жест. Дания – давний враг Пруссии, если они решатся призвать к себе Луизу... Нет, только не это.

– Но я слышала, Луизе уже двадцать три года... она стара для наследника, – попыталась возразить Иоганна и тотчас замолкла, напоровшись на насмешливый взгляд Его Величества.

– Ну, конечно, в двадцать три года женщина уже ни на что не годна? Не забывайте, что речь идет о принцессе! Впрочем, для нас выгоднее, чтобы Елизавета Петровна придерживалась ваших взглядов. Повторюсь, России нужен наследник престола, а не приданое, так что у Фредерики есть шанс.

– Благодарю вас. – Герцогиня снова склонилась перед Его Величеством.

– Теперь что касается вас. При дворе русской государыни держитесь так, чтобы большую часть времени быть на виду. Это поможет моим людям связаться с вами, не привлекая излишнего внимания. Вы будете записывать все, что происходит при дворе, мелочей, как известно, не бывает. Поэтому составляйте подробные отчеты. Эти бумаги вы станете передавать моим людям или оставлять там, где они вам это порекомендуют. Я не стану сейчас обременять вас расположением «почтовых ящиков», Русский двор постоянно переезжает из одного дворца в другой. Таковые есть практически в каждом любимом местечке Елизаветы, но их слишком много, и вы, пожалуй, запутаетесь.

– Но как я узнаю ваших посланцев? – Платок в руках герцогини трепетал, точно готовая улететь бабочка, но Иоганна не смогла бы вспомнить, как он оказался у нее в руках.

– Вы получите все инструкции на постоялом дворе, обозначенном на вашей карте двойным крестом. Кроме того, в России сейчас находится мой посол Мардефельд¹¹, он свяжется с вами. – Изображение поблекло и исчезло.

– Еще вопрос. Я хочу увидеть... – Елизавета тяжело дышала, и Разумовский обнял ее за плечи, с тревогой заглядывая в глаза.

– Больше не получится. – Колдун отодвинул зеркало от гостей, разбрызгав воду.

¹⁰ Граф (1743) *Иван Иванович Лесток* (Иоганн Германн Лесток) (29 апреля (9 мая) 1692, Люнебург – 12 (23) июня 1767, Санкт-Петербург) – хирург немецкого происхождения, первый в России придворный лейб-медик, действительный тайный советник (1741), главный директор Медицинской канцелярии. В конце 1730-х и начале 1740-х гг. – доверенное лицо Елизаветы Петровны, организатор дворцового переворота 25 ноября 1741 года. Агент французского дипломатического влияния. С 1745 года в опале.

¹¹ *Аксель фон Мардефельд* (1691 или 1692–1748) – прусский посланник в России в 1744–1746 гг.

– Мы платим. Леша, скажи хоть ты ему!

– Золота у тебя, барыня-государыня, хватит, а вот сил... – Мужик покачал седой головой. – В другой раз заезжай или мужа своего пришли, он теперь этих господ в лицо знает, не обманется. А тебе точно нельзя.

– Но я про ребеночка еще хотела узнать. Про нашего с Алешей. Будет ли? Нет?

– Коли ты ребенка удумала рожать, то лучше поберегись. Себя пожалей, гадание не только золото, силы жизненные вытягивает. А на это дело много сил и выносливости надобно. Себя пожалей, коли меня не жалко.

– Тебя-то что жалеть? – всхлипнула императрица.

– Так случись с тобой что, слуги твои меня точно капусту изрубят или огнем пытать станут, случится же непременно. Семейная в тебе болезнь, тяжелая очень, оттого и трудно тебе будет рожать.

– Но что же делать?!

– В другой раз пушай он один ко мне приедет, такому ладному казаку ничего от нашей воровбы не сделается, а вот ты...

– Не изрубят тебя, пальцем не тронут, Леший, ну помоги, верю в тебя, как ни в кого еще не верила. Я прикажу, так тебя никто не посмеет тронуть. Дай еще хоть разик заглянуть в твое зеркало. Дай лицо своего дитяти узреть.

– Пойдем уж, Лизонька. Он все сказал, да и светает уже. – Разумовский поднял государыню и повел или, скорее, потащил ее к выходу. – Отдохнешь на постоялом дворе, а я в другой раз заеду и все узнаю. Все, что прикажешь.

– Но я?! – Императрица попыталась кинуться к, казалось, снова замерцавшему в ответ на ее невысказанные вопросы зеркалу, когда колдун вдруг схватил его и одним движением выплеснул воду на пол.

Глава 3. Ночные кареты

ДОЛЖНО БЫТЬ, ДОЖДЬ прошел. Во дворе на дорожках стояли лужи. Не желая, чтобы Елизавета промочила ноги, Алексей Григорьевич на руках донес ее до кареты, над трубой которой был замечен голубоватый дымок. Из кареты поспешно выскочили, должно быть, забравшиеся туда отдохнуть и обогреться возле маленькой каретной печки офицеры свиты. Впрочем, к чести императорских сопровождающих, молодые люди, по всей видимости, отдыхали по очереди, и пока четверо мирно кемарили в господской карете, двое несли вахту, прячась под навесом для сена. Хотя кто сказал, что те, что были в карете, там бездельничали? Кто-то ведь должен был печку топить в отсутствие Елизаветы и Разумовского. Во всяком случае, и те, и другие сразу же выбежали навстречу господам, распахнув и калитку, и дверь кареты, и, разумеется, опустив крошечную лесенку в две ступеньки.

КАК И БЫЛО УГОВОРЕНО заранее, затемно с постоялого двора навстречу императрице выехала другая карета, в которой на мягких диванах, обтянутых лионским полосатым бархатом, сидели придворная дама Мария Семеновна Чоглокова¹² и одетый в дорожный кафтан Разумовского сопровождающий ее Иван Иванович Бецкой¹³. Высокий и статный Бецкой в темном, плохо подходившем ему, парике играл роль Алексея Григорьевича, зато Чоглокову вполне можно было впотьмах перепутать с государыней.

На постоялом дворе стража факелов не зажигала, так что если кто-то и приметил Чоглокову с Бецким, быстро проскользнувших, он – через центральный вход, она – через отдельный, то во дворе разглядеть их лица не было уже никакой возможности. Когда таинственные пассажиры заняли свои места, стража позволила себе воспользоваться факелами.

До указанной на карте развилки, на которой следовало дожидаться прибытия кареты императрицы, было часа полтора, тем не менее, выехав на главный тракт, карета вдруг неожиданно остановилась.

– Что случилось? – Иван Иванович ободряюще стиснул похолодевшую от страха руку спутницы.

– Оставайтесь на местах, – тихо скомандовал ехавший справа от кареты начальник караула Домашев, – к нам приближается другая карета.

Действительно, впереди четко различались огни факелов.

– Мы же не могли опоздать? – смутился Бецкой.

– Возможно, они выехали пораньше и не стали ждать на дороге, – предположила Мария Семеновна. – Мне кажется, что в любом случае нам следует выйти из кареты и встретить Елизавету Петровну, как это предписано этикетом.

– Спешитесь. Выходите, – выдохнул начальник стражи, – если это не они, будет случайным ночным путникам ноктюрн-загадка, кого тут так встречают. Теперь карет у у же можно было разглядеть, ее сопровождали шестеро конников с факелами.

Стражники выстроились перед Чоглоковой и Бецким, заставив их почти что сойти с натопанной дороги, так что Мария Семеновна по нечаянности вступила расшитым мелким бисером сафьянным сапожком в раскисшую землю, неприятно. Кутаясь в теплую пуховую

¹² Мария Семеновна (Симоновна) Чоглокова, по второму мужу Глебова (1723–1756) – обер-гофмейстерина, статс-дама, по матери Христине Самуиловне Скавронской родная племянница Екатерины I и двоюродная сестра императрицы Елизаветы Петровны.

¹³ Иван Иванович Бецкой (3 (14) февраля 1704, Стокгольм – 31 августа (10 сентября) 1795, Санкт-Петербург) – видный деятель русского Просвещения, личный секретарь императрицы Екатерины II (1762–1779), президент Императорской Академии искусств (1763–1795), инициатор создания Смольного института и Воспитательного дома. Возглавлял комиссию по каменному строению в Санкт-Петербурге и Москве.

шаль, статс-дама с тревогой наблюдала за приближающимся экипажем. Ближе, ближе, как жалко, что в такой темнотище не разглядишь лиц! Карета, четыре лошади, неприметные дорожные одежды сопровождающих. Если бы эта встреча произошла утром, хотя бы на рассвете, не было бы так жутко. Когда до кареты осталось метров десять, стало понятно, что это не свита Елизаветы Петровны. Чужие. Стража плотнее сомкнулась перед дрожащими от осеннего холода Бецким и Чоглоковой, и без того идущие шагом лошади замедлили ход, сопровождающие с обеих карет обменялись между собой незначительными репликами. Мария Семеновна вздохнула, наблюдая как мимо них медленно проплыла желтоватая в свете факелов карета, из которой выглядывала, немало удивленная ночной встречей, девочка лет четырнадцати. Встретившись глазами с Марией Семеновной, она, должно быть, что-то крикнула, махнув платком. Но в следующее мгновение юную путешественницу заслонил едущий сбоку от кареты охранник.

Немало удивленная и заинтригованная произошедшим, Мария Семеновна только теперь заметила, что ее изящные сапожки промокли. Подав руку Бецкому, она поднялась в карету и села на свое место.

– Представляю, что подумала о нас эта юная особа, – рассмеялся Иван Иванович.

Мария Семеновна была подавлена. Что кричала незнакомая девочка? Кто она такая? Были в карете кто-нибудь из взрослых? В таком возрасте девочку должны были сопровождать родственники или хотя бы служанка. Впрочем, не исключено, что они спали, в то время как девица маялась бессонницей.

– Девочку везли в сторону столицы. Хорошо вооруженная охрана и при этом без гербов? – должно быть, уловив настроение своей спутницы, первым заговорил Иван Иванович.

– Мне кажется, что разумнее было бы остановить этих господ и расспросить их, кто они и куда следуют, – неуверенно начала Чоглокова.

– Побойтесь бога, сударыня, мы же с секретной миссией, – теперь Бецкой казался чем-то раздосадованным. – Вот получится конфуз, если Ее Величество будет ждать нас на той проклятой развилке.

– Но девочка... мне показалось, что она просила о помощи? – Мария Семеновна чувствовала себя несчастной. – Елизавета Петровна будет в ярости, отчего мы ничего не предприняли. Во всяком случае, мне будет крайне неловко, рассказывая ей о сегодняшнем происшествии, признаваться, что понятия не имею, кто эта молодая особа и что ей было нужно от нас.

– Помощи? – удивился Иван Иванович. – По мне, так эта кляйне метхен, начитавшись любовных романов, возжелала дорожных приключений, о которых можно будет вспоминать долгими ночами. Во всяком случае, я ясно видел, как она бросила бутоньерку одному из наших бравых кавалеров. Расскажите лучше Елизавете Петровне о внезапном дорожном романе между неизвестной инфантой и юным офицером.

– Бутоньерку? Какая глупость! Я практически прочла по губам слово «помогите».

– Бутоньерка это была или нет, но один из наших охранников подобрал ее с земли, когда карета проехала мимо нас, – настаивал Бецкой.

– В таком случае я приказываю, чтобы вы немедленно добыли мне эту самую бутоньерку или что там такое вывалилось из кареты! – холодно потребовала Чоглокова, задетая уже тем, что Бецкой оказался более наблюдательным, нежели она. Впрочем, что-то в руках юной путешественницы действительно мелькнуло, сама Мария Семеновна приняла предмет за платок, но, когда между каретой и статс-дамой возник всадник, глазастый Иван Иванович умудрился разглядеть, как незнакомка бросила что-то на дорогу, а вот она, увы, нет.

– Можем мы остановиться буквально на секунду? – высунувшись из кареты, громко поинтересовался Бецкой у ехавшего рядом с дверью начальника охраны.

– Ночная ваза за софой, – отмахнулся от него Домашев.

– Не хотите останавливаться, поговорим так. Один из ваших людей только что подобрал нечто вывалившееся из той кареты. Мария Семеновна требует со всей поспешностью подать ей сей предмет, – строго сообщил Бецкой.

– Скажите, что я возьму господину офицеру его стоимость или сделаю какой-нибудь другой памятный подарок, – желая сгладить неприятное впечатление, выкрикнула Чоглокова. И через минуту юный офицер протянул через ее окошко сильно пострадавшую от дорожной грязи шелковую розу, какими обычно украшают бальные платья.

– М-да... вот и проявляй после этого любопытство, – Мария Семеновна с отвращением бросила цветок на пол, поспешно вытирая руки о платок.

– За грязную розу вы можете презентовать не менее грязный платок, – со злорадной улыбкой предложил Бецкой.

Чоглокова задумалась на секунду и затем аккуратно вытащила из прически шпильку, головка которой была сделана в виде крошечного цветочка, в центре которого сиял настоящий бриллиант, и передала сувенир не ожидавшему такой высокой награды юноше.

– Примите же и от меня этот скромный цветок, как память о дорожном приключении, произошедшем этой ночью, – произнесла она с чарующей улыбкой, после чего закрыла шторку окна и блаженно откинулась на подушки. Настроение резко пошло на подъем. Теперь юноша будет уже грезить не случайной девочкой, повстречавшейся ему на дороге, а светской замужней дамой, особой, приближенной к Ее Императорскому Величеству. Что это может дать? Да ровным счетом ничего, быть может, проходя мимо склонившихся в приветствии офицеров стражи, она станет искать среди них сегодняшнего юношу, а он будет писать ей неуклюжие стихи или даже сложит пару песен. Впрочем, более вероятно, что она забудет о нем буквально на следующий день, так что только алмазная шпилька останется у несчастного, как свидетельство его так и не возникших отношений с прекрасной дамой.

Они минули три горящие бочки, отмечающие версты, когда карета свернула на развилку, у которой была назначена встреча.

ПРИ ВИДЕ ПРИБЛИЖАЮЩЕЙСЯ кареты Елизаветы фальшивые императрица и ее фаворит вышли из своего экипажа, а сопровождающие их офицеры спешили и, выстроившись с факелами, приветствовали государыню.

– Тебя не заподозрили? – Елизавета поцеловала Чоглокову в щеку, невольно отмечая, что кожа кузины холодна, точно лед. – Замерзла-то как, застудишься, на мне грех.

– Да что вы, мы же почитай все время в карете сидели, точно не застужусь. Не беспокойтесь, потом я ведь в вашей шали.

– Как вчера прошло?

– Весь двор приехал на постоянный двор вечером, а ваша карета как бы задержалась в пути. Дамы подтвердили, что вы с Алексеем Григорьевичем благоволили приказать оставить вас в покое. В общем, заявили на ночь глядя, я сразу в ваши покои прошла, там вход отдельный, удобно очень. Пока наши усердие пытались выказать, я и проскользнула. А Мавра¹⁴ еще и сказала, что государыне-де нездоровится, будто бы зубы ноют.

Засветло мы с Иван Иванычем тем же способом вышли, видел кто, нет, про то точно не скажу. Но если и видели, сами извольте наблюдать, мы с Бецким аккурат, как Алексей Григорьевич научил, все и проделали. Я в вашей шали, но, извольте видеть, в своем платье.

– Отчего же в своем? – удивилась Елизавета. – Чего-чего, а нарядов у меня вдосталь. Али ты, статс-дама, не ведаешь?

¹⁴ *Мавра Егоровна Шепелева*, в замужестве графиня Шувалова (23 апреля (4 мая) 1708 – 9 (20) июня 1759) – ближайшая подруга Елизаветы Петровны и статс-дама ее двора, жена Петра Ивановича Шувалова. Первоначально именно ее влиянию обязана своим возвышением партия Шуваловых.

– Ведаю, государыня, – Чоглокова присела в реверансе, – тридцать две тысячи, из них на это путешествие с собой взято штук сто, чтобы выбор был.

– Рост у вас с Марией Семеновной одинаков, сложение сходно, все-таки родная кровь, – всунулся со своими объяснениями Бецкой. – Я и рассудил, если государыня ни свет ни заря куда-то уезжает, стало быть, желает сохранить это дело в тайне. Соответственно, и оденется в платье одной из своих дам, чтобы выглядеть неприметнее. А в кого проще всего переодеться, в госпожу Чоглокову. Получается так, государыня одолжила платье у Марии Семеновны, а потом рассудила, мол, дюже прохладно, да и прихватила любимую шаль.

– Придворная дама играет роль императрицы, которая играет ту же придворную даму, – лихо закручено. Не переборщили с шалью-то? Сами знаете, ни у кого больше такой нет.

– В самый раз, Ваше Величество, – расплылся в доброжелательной улыбке Бецкой. – Шаль приметная, зеленая, пушистая, сами изволите говорить, ни у кого такой больше нет. Если кто и приметил даму, из ваших покоев выходящую, на шаль эту глядел, потому как диво дивное. Помните, Андрей Иванович Ушаков¹⁵ рассказывал, как люди, у которых кошелек, скажем, на базаре стащили или товар какой из лавки исхитили, воров описывают? Один заметил бородищу по пояс, другой повязку на глазу, третий костыль... Такие приметы первым делом в глаза бросаются, а начинаешь спрашивать, какой был нос, какие глаза... никто ничего не помнит.

– К тому же шаль ваша любимая, если бы вы не приказали любыми средствами, я бы, право, не осмелилась взять. Позвольте на ваши плечики теперь накинуть. Чувствуете, сколько она тепла-то в себя вобрала! С такой шалью шубы зимой не потребуется.

– Все правильно сделали. Молодцы. Что же теперь, Алеша, всем вместе возвратиться? Боязно мне, как бы Марию Семеновну после этой прогулки не лихорадило.

Разумовский задумался.

– Лучше бы, конечно, чтобы вы теперь вместе с Иваном Ивановичем вернулись да в покои свои прошли, ибо у меня дело неотложное недалеко отсюда. Если желаете, могу Марию Семеновну с собой забрать, но это еще часа три в карете трястись. Так что лучше вы, матушка, вместе с нею поезжайте. Вряд ли кто мог углядеть, сколько женщин уехало, а отсутствие статс-дамы все равно в глаза бросится. Тем более, что на этот раз с вами ни Анны Карловны¹⁶, ни Анны Васильевны нет, а одна Шувалова их не заменит.

– Чтобы испортить настроение, мне и одной Екатерины Ивановны¹⁷ с лихвой хватает. Мало того, что по природе своей мегера, каких поискать, так Александр Иванович, черт лысый, еще перца задает, за каждой юбкой, прости господи, волочится, а Екатерина Ивановна потом на моих девушках гнев срывает. Хорошо хоть дочку догадались не столь нервную родить. Года через два получит фрейлинский шифр. А вот Анну Васильевну, по всему видно, обратно во дворец уже не заманим, семья ей дороже всего на свете. А жаль!

– Так ведь вы говорили, что Анна Васильевна вам лично рекомендовала... – Разумовский вовремя закрыл рот.

– Не лично, а письмом. Лично я ее, сердешную, почитай год не видела. Ну, может, теперь, коли уж приехала племянницу искать, так заедет. В былые-то годы уж какими подругами были.

– Вы можете через главный вход пройти, а я через отдельный, по той же тропинке. Теперь уже лицо можно не прятать, – затараторила Чоглокова. – Иван Иванович правильно говорит, в темноте никто ничего, кроме шали, заметить не мог.

¹⁵ Граф *Андрей Иванович Ушаков* (1672–1747) – русский военный и государственный деятель, сподвижник Петра I, генерал-аншеф, начальник Канцелярии тайных и розыскных дел в 1731–1746 гг.

¹⁶ Графиня *Анна Карловна Воронцова*, урожденная графиня Скавронская (7 (18) декабря 1722 – 31 декабря 1775 (11 января 1776) – жена канцлера графа Михаила Илларионовича Воронцова, двоюродная сестра императрицы Елизаветы Петровны, статс-дама, владелица торгового села Кимры.

¹⁷ *Екатерина Ивановна Шувалова*, в девичестве Кастюрина (1718–1790).

– Ну, с Богом. – Елизавета повернулась к Разумовскому и вдруг, не стесняясь, нежно прильнула к нему. – Будь осторожен, Алешенька. Не знаю, как у тебя сложится с Ушаковым, но если старик ничем помочь не сможет, послушай доброго совета – поговори с Александром Ивановичем Шуваловым¹⁸. Не знаю, какая кошка между вами пробежала, но Александр Иванович первый помощник Ушакова, его ученик. Кроме того, Андрей Иванович хоть и крепок, но весьма уже в годах, коли для расследования этого проклятушего выпадет ему в холодном схороне сидеть, в карете трястись, драться да догонять, так я бы лучше поберегла его, зато Александр Иванович...

– Справимся, не беспокойся.

Какое-то время они стояли, нежно прижавшись друг к другу, Алексей Григорьевич рассеянно поглаживал зеленый пух шали.

– Главное, одна без меня к гаданию не приступай. Леший ясно сказал, нельзя тебе.

– Не стану, раз обещала. Буду покойно тебя дожидаться, отдыхать да сил набираться. Только и ты уж не задерживайся.

Наконец Елизавета позволила Алексею Григорьевичу усадить себя в карету, из которой они с Алексеем Григорьевичем только что вышли, рядом с ней устроились Чоглокова и Бецкой. Проводив их и махнув на прощание шляпой, Разумовский сел во вторую карету, и они разъехались в разных направлениях.

¹⁸ Граф Александр Иванович Шувалов (1710–1771) – доверенное лицо Елизаветы Петровны и в особенности Петра III, камергер, начальник Канцелярии тайных и розыскных дел, генерал-фельдмаршал, сенатор, член Санкт-Петербургской конференции. Родной брат Петра Ивановича Шувалова и двоюродный брат Ивана Ивановича Шувалова, фаворита Елизаветы Петровны.

Глава 4. Дусенька

КАК СТРАННО УСТРОЕН свет. Деревня меньше города, тем паче столицы, а коли тебе помощь понадобится, сбегутся со всех домов. Не то что в Петербурге, народу тьма, а верного человека днем с огнем не сыскать.

Девушка прошла по комнате, посмотрела в окно. Подруга обещала прислать ей узел с перешитой одеждой еще вчера, да отчего-то запаздывала. Что, с одной стороны, не удивительно, дворцовая прислуга не может по собственному желанию выходить в город. Об этом Евдокия прекрасно знала, чай, сама совсем недавно еще красовалась с фрейлинским шифром. Впрочем, если Дусенька Самохина служила фрейлиной, ее доверенная подруга была обыкновенной комнатной девушкой, а, как правило, за прислугой меньше доглядывают. К примеру, кому какое дело, ограничивает ли себя служанка в пище или ест в три горла? Другое дело фрейлина, которая всякий день на виду. Если госпожа или господин прикажут, будет поститься день и ночь, повелят – и займется уничтожением пирожных с кремом, что твой генерал с армией противников, лишь бы правильную фигуру соблюсти.

Вокруг город, кому какое дело, куда уходят слуги, выполнив свою работу. Странно, что подруга так замешкалась. А ведь она знает, что Евдокия бежала впопыхах, буквально в чем была, прихватив с собой только узелок с драгоценностями. И теперь, когда любезный друг повезет ее в церковь, что в его деревеньке, у нее не будет даже свежего платья, чтобы подойти в нем к алтарю.

На самом деле Самохина мечтала о роскошной свадьбе, вроде той, какая была у статс-дамы Чоглоковой. Еще не будучи фрейлиной, Дусенька с родителями оказалась среди многочисленных приглашенных и с восторгом наблюдала невиданную доселе роскошь. Впрочем, тайное венчание – это даже интереснее. Жаль только, что приходится сидеть в этой дрянной гостинице, кормя клопов, уж лучше бы он сразу из дворца повез ее в церковь. А следом на лихих конях неслась бы погоня во главе с Шуваловым – он и так при дворе за всеми шпионит да доглядывает, – и Бецким.

Девушка погладила тоненький браслетик с изумрудами. День идет за днем, двор уже должно быть уехал в имение Строгановых Братцево, так что, решишь Дусенька покаяться перед государыней, пришлось бы еще и экипаж нанимать. Далек.

Конечно, можно было продать что-нибудь из украшений и пошить платье, но Дуся понятия не имела, к кому следует обратиться с подобным вопросом, да и как выйдешь из дома, когда тетка, должно быть, уже во все колокола бьет об исчезновении юной родственницы. Со своей теткой – близкой подругой самой императрицы – Дуся, правда, за все шесть месяцев нахождения при высочайшей особе так и не смогла познакомиться. Потому как Анна Васильевна сначала уехала в свое имение рожать, а затем родила и письменно испросила разрешения Елизаветы Петровны остаться с хилым, нуждающимся в ее заботе и материнском молоке ребенку, на последнем особенно настаивал доктор. О фрейлинском шифре для племянницы она тоже позаботилась письменно. Так и получилось, что доброй и благодарной по своей природе девице Самохиной так и не удалось припасть к ручке благодетельницы. И вот теперь, стоило ей бежать с любимым человеком, тетушка нежданно-негаданно объявилась в столице.

В общем, неудобно получилось, вместо того, чтобы встретить родственницу со всеми полагающимися ей по праву почестями, она еще и отплатила черной неблагодарностью, сбежав с молодым чиновником. А ведь подобный поступок, скорее всего, первым делом ударит именно по дорогой благодетельнице. Вот что значит помогать бедной родне! Сначала по ней, а потом и по всему семейству Самохиных, в последнем полученном из дома послании значилось, что несравненная Анна Васильевна взяла на себя тяготу пристроить ко двору и младшую сестру Дусеньки, Полиньку, которой только-только исполнилось четырнадцать лет. Станет ли

теперь тетушка возиться с ее сестрой? Или плюнет с горечью да и отречется от всего проштрафившегося семейства? А раз так, стало быть, своим, мягко сказать, неразумным поступком Дусенька невольно испортила жизнь ни в чем не повинной Полинке. И теперь бедная девочка всю оставшуюся жизнь вынуждена будет прозябать в скучной деревне, вдали от света, вдали от любви.

Впрочем, все еще можно поправить, главное, чтобы милый друг выполнил свое обещание и повенчался с ней. Женятся, а потом уж вместе упадут в ноги к государыне. Елизавета Петровна ни за что не простит распутства среди своих фрейлин, но законный брак – он и есть законный брак, прикроет ясный сокол ее повинную голову епаничкою, а со временем все простится и забудется. Разумеется, ко двору после такого конфуза не вернуться, да и не возьмут замужнюю фрейлину – не положено. Дуся ведь не дура, понимает, на что пошла, зато тогда, скорее всего, Елизавета Петровна не станет противиться назначению сестры, да и на благодетельницу Анну Васильевну тоже не озлится.

Задумавшись, Самохина чуть не пропустила, как по скрипучей лестнице загрохотали шаги, и дверь в комнату распахнулась.

– Зря ты, Дусенька, у окна сидишь, не ровен час, признает кто, – забеспокоился вошедший и, не приласкав суженую и не скинув плаща, первым делом задернул шторы.

– Кто признает? Окно на задний двор смотрит, чай не на улицу, – Дусенька нежно прижалась к любимому.

– Я возле этого постоянного двора человека Шувалова приметил, если вдруг и он меня видел, доложит куда следует. Придется переезжать. – Молодой человек аккуратно положил на комод треуголку, сбросил с плеч подбитый мехом плащ. Под плащом на нем обнаружился старенький кафтанишка темно-синего цвета. Отстегнув кружевные манжеты, чтобы не испачкать, жених бережно сложил их в треуголку и только после этого поцеловал невесту.

– Так подружка платьев еще не привезла! – всплеснула руками Дуся. – Что будем делать?

– Обойдемся как-нибудь. Потом заберешь, когда вернемся. На вот, плащ тебе купил менее приметный... капюшон на головку накинешь, и не признает никто.

– Сейчас сразу и в деревню?

– Не получится сегодня, подорожная не готова, – он сгреб из верхнего ящика комода прихваченные Дусей с собой драгоценности и, завязав их в узел, бросил в седельную сумку. – К другу моему поедем, у него до поры схоронишься.

– Так ты же сказал, что у знакомых враз отыщут, – изумилась девушка.

– У этого не отыщут, он недавно из-за границы вернулся, учился там, теперь вот на службу устраивается. Да не бойся ты, мне тебя у него проще оставить, если что, он как ученый медик помочь сможет.

– В чем помочь, миленький? Поди рано еще. Да ты не собираешься ли?!

– Не собираюсь, не бойся.

– Ни к какому медику я не пойду! Не можешь меня в деревню свою везти, к тетке моей поедем, она как раз из имения воротилась. Тетка все поймет, может, и простит, пожурит для приличия, но не съест ведь.

– Не устраивай мне бабьих истерик! Сказал пойдём, значит, пойдём. Не пойдешь, на руках донесу, невелик труд. А здесь мы не останемся, нашла дурака, Шувалова с Ушаковым дожидаться.

– Как хочешь, а не пойду. А силой потащишь, кричать стану. Народ сбежится. Куда хочешь, но не к нему. Знаю я, как некоторые особенно оборотистые кавалеры делают, чуть что тащат наивную барышню к медику, а тот за несколько монет... Не хочу! Не желаю, чтобы мое дитя кто-то из моей же утробы вытащил. Понадобится, перед родителями повинюсь, одна в какой-нибудь глуши рожу и воспитаю, добрым людям отдам, а сама спрячусь навеки под клубок, а убивать не позволю.

– Да кто об убийстве говорит?! Сумасшедшая! Выпей лучше лекарства, ты сейчас весь постоянный двор на ноги поднимешь. – Он обнял девушку, протягивая ей крошечную бутылочку.

– Что это? Опоить меня задумал? Чтобы сонную распотрошить?! Ишь ты, бога не убоялся. – Дуся оттолкнула пузырек, да так, что тот покатился по полу. – Люди!

– Опомнись, ну что ты тут будешь делать! Не блажи! Ну, прибежит стража, меня в кандалы, чай, ведаешь, где я служу. Узнает мой начальник, что я незамужнюю девицу совратил, тем более фрейлину государыни, – самолично кожу сдерет. Меня не жаль, себя пожалей, твоя семья в жизни не отмоеся, сама говоришь, младшая сестра вот-вот приедет, как ей-то после такого сраму жить? А повенчаемся, спокойно родишь, кто там месяца считать станет? Ну, не хочешь к доктору, не надо. У знакомой моей старинной устроимся, она недалеко отсюда живет, тихо, богобоязненно, как оформлю документы, сразу и поедем. Ну что ты, глупенькая? Как тебе и в голову такое могло прийти? Софьюшка мне почти что как родная, тебе вместо старшей сестрицы будет, эта не выдаст, да и все лучше, чем на постоялом дворе.

Дусенька на конец успокоилась, сев подле возлюбленного и даже склонив кудрявую головку к его плечу. Сбежав с любимым, она принципиально не делала придворной прически, обычно за исполнением парикмахерского указа «волосы вверх гладко убраны» следили статс-дамы. При этом никто не интересуется, идет девушке такой фасон или уродует ее. Вот она – Дусенька Самохина – от природы кучерява, точно ангелочек, и локоны эти ей весьма идут. А вот хоть ты что делай, хоть умри на месте, а волосы свои непослушные изволь сделать гладкими, да еще и уложи волосок к волоску. Впрочем, если проспала и прическу уложить не успела, всегда можно парик нацепить. Только в помещении в нем уж больно жарко. Того и гляди сопреешь.

– А вот что, черт с ними, с шуваловскими топтунами, давай наперво пообедаем, а уж потом решим, куда ехать. Я вот что думаю, сдалась нам эта деревня, может, здесь и повенчаемся?

Поцеловав Дусеньку, жених кликнул трактирного слугу, чтобы тот принес обед наверх.

Пока девушка примеряла перед зеркалом обновку, слуга уже расставил на столе блюда, и оставшийся на несколько минут наедине с накрытым столом молодой человек щедро приправил суп своей нареченной снадобьем из бережно поднятой с пола бутылочки.

После нескольких ложек Дуся почувствовала себя сонной и прилегла на кровать. Не спеша ее приятель прошелся по комнате, подбирая разбросанные вещички. А затем спустился к хозяину трактира и заплатил за проживание. Отнеся все вещи в экипаж, он не без труда доставил туда засыпающую на ходу спутницу.

Провожающий гостей трактирный мальчишка последним видел Евдокию Самохину живой.

Глава 5. Роза и жемчуг

ЗА ОКОШКОМ ТЯНУЛСЯ унылый осенний пейзаж, покрытая инеем пожухлая трава, похожие на головы лесовиков кочки в снежных шапках, из прорех которых то тут, то там торчали травяные вихры. Под копытами коней слякоть, воздух студен, даже не скажешь сразу, то ли сквозняк из невидимой щели пробирает до костей, то ли это уже простуда взялась за свое паскудное дело – выживать из тела остатки человеческого тепла. Алексей Григорьевич зарылся в меховое одеяло, надеясь хоть немного поспать перед встречей с Ушаковым, да куда там, беспокойные мысли кружились в голове, роились досадливой черной массой, как на отцовской пасеке пчелы. А ведь было о чем подумать, например, как начать разговор с грозным Андреем Ивановичем и, главное, с его протеже, которого начальник Тайной канцелярии обещал предоставить для расследования. Знать бы заранее, что за человек, насколько ему можно доверять. В свои семьдесят один год Андрей Иванович мог самолично провести сложное расследование, распутать заговор и арестовать преступников. А даст человека, который в делах следственных ни бельмеса или, того хуже, которого еще и придется повсюду за ручку водить, ходы-выходы показывать. Глупость. Так и надо сказать Ушакову, либо он сам, либо к черту.

Зевая, Алексей Григорьевич потянулся, вдруг заметив, что его сапог проехался по чему-то мягком у. Нагнувшись, он обнаружил грязный и растрепанный матерчатый цветок, неизвестно каким образом оказавшийся в карете. Впрочем, почему неизвестно каким? Свалился, должно быть, с платья Марии Семеновны, и, не заметив, они с Бецким затоптали его ногами? Неудивительно, ехали-то в полной темноте, теперь же светало. Алексей Григорьевич даже смог определить, что когда-то это, с позволения сказать, украшение было розового цвета и, скорее всего, впервые увидело свет на бальном наряде. Стоп! Но Мария Семеновна была в темном дорожном платье. Он попытался представить бальный цветок на дорожном платье и невольно рассмеялся. Получается, что бутоньерку обронил Бецкой, этот красавец и покоритель сердец в пол не мог позаимствовать пустяшное украшение у какой-нибудь придворной прелестницы, а затем потерять его в карете. Алексей Григорьевич попытался вспомнить, у кого на ближайшем балу было подобное платье, но ничего не получилось. Он хотел было уже бросить розан, но тут же подумал, что даже если Бецкому и нет никакого дела до сделавшей ему маленький любовный подарок дамы, он – Разумовский – просто не имеет права предоставить слугам возможность зубоскалить над незадачливой красавицей. Ведь когда цветок будет обнаружен, его без сомнения опознают, и бог ведает, что тогда придется вытерпеть несчастной. А ведь всем известно, как строга к адюльтеру Елизавета Петровна. Решив спрятать цветок и при случае вернуть его Бецкому или выбросить подальше от вездесущих придворных, Алексей Григорьевич завернул находку в платок и сунул в карман.

Немало обрадовавшись, что ему удалось спасти честь незнакомки, Разумовский снова вернулся мыслями к Ушакову, пытаясь догадаться, какого именно следователя порекомендует ему железный старец. Елизавета Петровна считала, что Андрей Иванович выпишет своего коллегу из-за границы, но кто при российском дворе доверится пришлому дознавателю? Пусть даже самому хорошему, но пришлому. Какие у него связи, рычаги давления? Ведь разнюхивать придется на самом верху...

Определенно там, где бы прошел вездесущий Ушаков, не проشمыгнет ни немец, ни француз. Вообще никто из поднадзорных иностранцев¹⁹. А впрочем...

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД Елизавета Петровна заметила необычайно красивого певчего придворного хора, записанного в реестре как Алексей Григорьев, то есть без фамилии,

¹⁹ Тайная канцелярия осуществляла догляд за каждым приехавшим в Россию иностранцем.

по фамилии-то он был Розум, и происходил он из семьи простого днепровского казака Григория Яковлевича Розума и Натальи Демьяновны Демешко. Роман между цесаревной и певчим начался практически сразу, в результате чего потеряли всякую надежду вернуть себе прежние права бывшие фавориты цесаревны Семен Нарышкин²⁰ и Алексей Шубин²¹ – оба в ту пору были отдалены от столицы. В одну из ночей, когда Алексей оставался в покоях у великой княжны, из шкапулки слоновой кости, что хранилась в специальном шкафу в гардеробной, исчезло жемчужное кольцо. По правилам, рядом с цесаревной всегда должны были находиться ее фрейлины и комнатные девушки, но в первые дни своего нового случая²² Елизавета Петровна отсылала всех в дальние покои, дабы никто не смущал ее скромного ангела.

Расследование дерзкой кражи проводил лично начальник Канцелярии тайных и розыскных дел Ушаков, он же допросил всех находящихся при великой княжне дам и девушек, общался весь дворец, чуть ли не перекопал сад и даже пытался вскрывать стены и поднимать полы. Безрезультатно. На следующий день после кражи в Зимнем дворце, который чаще называли Смольный двор, проводился большой карнавал, на котором Елизавета и Алексей собирались появиться в испанских костюмах, а весь двор вплоть до последней комнатной девушки должен был преобразиться, представ в каком-нибудь причудливом виде. Разумеется, слугам были пошиты маскарадные костюмы, но в покои Елизаветы при этом никто из посторонних не заходил, две ее девушки сами посетили мастерскую, где получили заказанные платья и раздали их согласно списку.

Во время опроса дворни никто не отважился вслух произнести имя нового фаворита Елизаветы, тем паче не открыл, что в ночь кражи случай находился у цесаревны, но разве ж во дворце что скроешь?

Тогда же, получив от Ушакова подробный отчет о произведенном дознании, а также недвусмысленное пожелание допросить Алексея Григорьевича, Елизавета Петровна по-настоящему испугалась. Андрей Иванович знал свое дело, и там, где любой другой придворный скорее согласился бы отрезать собственный язык, а не выдать, что он посвящен в тайну личной жизни высочайшей особы, Ушаков выложил все начистоту, дав понять, что расследование зашло в тупик и не продвинется дальше до тех пор, пока Елизавета Петровна не дозволит допросить, и желательно под пыткой, бывшего у нее той ночью певчего. Ибо все нити вели к нему.

Поняв, что Алексея Григорьевича подвели под монастырь, и если не удастся собрать достаточное количество доказательств невиновности любимого, Алексей на вечные времена прослышет вором, Елизавета приказала Ушакову закрыть дело и навсегда забыть о нем. Ибо пусть кольцо хоть драгоценное, хоть бесценное, а подставлять под удар любимого человека она не желала. О колье забыли, о расследовании тоже, со временем Елизавета смирилась с мыслью, что воры давно распродали жемчужины по отдельности, и она уже никогда не увидит отцовского подарка. Впрочем, цесаревна, и тем более дочь Петра Великого, не должна кручиниться по поводу какого-то колье. Зато облыжно обвиненного Алексея она к себе приблизила так, как никого еще до него не приближала.

Совершив переворот в 1741 году, Елизавета сразу же сделала Алексея Григорьевича генерал-поручиком и действительным камергером, выправив несносную фамилию. Теперь его сле-

²⁰ Семен Кириллович Нарышкин (5 апреля 1710 – 27 ноября 1775, Москва) – русский шеголь и бонвиван середины XVIII века, владелица домашнего театра, создатель моды на роговую музыку, генерал-аншеф, обер-егермейстер, посол России в Великобритании (1741–1743), кавалер ордена Святого апостола Андрея Первозванного.

²¹ Алексей Яковлевич Шубин (1707–1765), фаворит Елизаветы Петровны до января 1731 года. Гренадер в Семеновском полку, отличался редкой красотой, ловкостью и энергичностью. Елизавета Петровна, при которой он служил ординарцем, дарила его своими симпатиями и слыла между семеновцами под именем «матушки». Анна Иоанновна удалила Шубина от двора цесаревны сперва в Ревель, а потом и в Сибирь, на Камчатку, где он был насильно обвенчан с местной жительницей.

²² «Случай» – фаворит.

довало именовать Алексей Григорьевич Разумовский. Должность камергера позволяла случаю дежурить при покоях цесаревны, что он и делал с заметным рвением, выходя на пост и в свою очередь, и перекупая дежурства у других камергеров. Взойдя на престол в 1742 году, Елизавета сделала Разумовского кавалером ордена Святого апостола Андрея Первозванного, обер-егермейстером, подполковником лейб-гвардии Конного полка, капитан-поручиком лейб-кампании и владельцем многих тысяч крестьянских душ. А позже тайно повенчалась с любимым в небольшой церквушке подмосковного села Перово, тайно для народа и для представителей высшего духовенства. В новом же, только что отстроенном Растрелли, Летнем дворце²³ с этого дня они жили практически вместе. Разумовский поселился в смежных с покоями императрицы дворцовых апартаментах, каждое утро они завтракали вместе. На официальных приемах и обедах Алексей Григорьевич занимал место рядом с государыней. Но даже если бы они не жили в открытую, об особом статусе бывшего певчего говорило бы уже измененное специально ради него меню официальных обедов. Для казака Разумовского в реестр блюд были введены малороссийские кушанья, по которым он скучал со времени переезда в столицу.

Самое странное, что расследование кражи полностью прошло мимо главного обвиняемого, никоим образом не затронув его. То есть влюбленный Алексей Григорьевич умудрился не заметить ту возню, которая сопровождала любые расследования Тайной канцелярии. Отдаленным эхом до него доходили слухи о произошедшей неприятности, но видя, что любимая не придает происшествию значения, Разумовский решил, что дело не стоит того, чтобы о нем расспрашивать, а потом и вовсе забыл о краже.

И кто бы мог подумать, что именно теперь похищенные сокровища неожиданно появились, точно из-под земли, так что Елизавета была вынуждена рассказать мужу и о расследовании, проведенном Ушаковым, и о том, что именно он – Алексей – девять лет назад являлся главным подозреваемым и практически ходил под дыбой, на которую его мечтал повесить обожавший свою работу Андрей Иванович.

Несмотря на недомолвки, покашливания и виноватые улыбки, Разумовский догадался, что дело было закрыто исключительно из-за того, что Елизавета опасалась, что Андрею Ивановичу не удастся доказать невиновность фаворита. Виданное ли дело, в покоях цесаревны все дамы, все лакеи, все камергеры и прочие проверены-перепроверены, все рекомендованы, почти все чьи-то родственники, и лишь один Алексей – чужой в этом мире.

Утраченные жемчужины неожиданно вновь явились миру на детском карнавальном костюмчике девушки-бурятки, служащей при особе Елизаветы. Очень хорошенькая малышка присутствовала на карнавале в своем национальном платье и кокошнике, расшитом красными и зелеными бусинами.

После того, как в 1735 году была обнаружена кража, Ушаков приказал спрятать до поры до времени все карнавальные костюмы, но так как расследование не было завершено, их так и оставили пылиться в одной из кладовок Зимнего дворца. Тем не менее некоторое время назад Елизавета получила в подарок еще двух маленьких бурят, которые должны были по задумке Петра Федоровича открывать бал. Мальчику дали пажеский костюмчик, в котором он очень недурственно смотрелся, когда же стали подыскивать платье для девочки, служащая при особе государыни бурятка Айдархан вспомнила о своем карнавальном платье, которое на нее надевали девять лет назад. Платье сыскали в Зимнем дворце, и девушка обещала привести его в должное состояние, постирав и заменив несколько еле-еле держащихся бусин. Когда же она замочила платье в горячей мыльной воде и начала тереть его руками, краска размокла, а красные и зеленые бусины неожиданно превратились в белый сверкающий жемчуг, так что, когда бедняжка наконец вытащила платье из таза, на красно-зеленом фоне перед ней сверкали круп-

²³ Летний дворец Елизаветы Петровны – несохранившаяся императорская резиденция в Санкт-Петербурге, построенная Б. Ф. Растрелли в 1741–1744 гг. на месте, где теперь расположен Михайловский (Инженерный) замок. Снесен в 1796 году.

ные жемчужины. Плохо понимая, что произошло и, главное, что ей за это будет, девушка кликнула на помощь, и вскоре явившиеся на зов слуги обнаружили жемчуг.

Получалось, что кто-то разобрал колье и, предварительно покрасив жемчужины в яркие цвета, пришил их к аляповатому бурятскому наряду. Почему именно к нему? Так пятилетняя девочка вряд ли смогла бы что-либо заподозрить.

Получалось, что расследование можно и нужно было возобновлять. И первым делом заново допросить всю швейную мастерскую. Конечно же, Разумовский мог взять эту работу на себя, поручив доверенным людям разобраться в ситуации, но теперь ему было обидно, что любимая женщина могла хотя бы на секундочку усомниться в его честности. Поэтому дело, которое начинал Ушаков, должен был завершить именно Ушаков, в то время как он – Алексей Разумовский – демонстративно бы умыл при всех руки, предоставив свершиться правосудию.

Кроме того, была еще одна малоприятная деталь. За эти годы маленькая бурятка подросла и последние несколько лет официально состояла уже не в свите императрицы, а была приписана к его прислуге. А раз платье принадлежит бурятке, а сама бурятка его – Разумовского – собственность, стало быть, все это время проклятые жемчуга находились от Алексея Григорьевича на расстоянии вытянутой руки. А это уже не шутки!

Разумовский вздохнул, вдруг поняв, что карета остановилась у крыльца какого-то особняка и, оказывается, он действительно уснул. Протерев лицо и уши, Алексей Григорьевич вылез из экипажа и, лениво потягиваясь и притоптывая, правая нога все-таки умудрилась затечь, направился к встречающему его на пороге лакею.

Глава 6. Ушаков

– ПАСЫНКА БЫ МОЕГО задействовать, вот только что из Персии вернулся, да, боюсь, опять у своего нового друга и благодетеля канцлера на Каменном отсиживается. Медом ему там, что ли, намазано? – Голос Андрея Ивановича был достаточно зычным и громким, таким голосом не с «ночным императором» разговоры разговаривать, слуг нерадивых гонять. – Говорит-де, устал. Отдых требуется. Ну, отдых я как раз понимаю, в баньку с дороги сходить, с женой помиловаться, с друзьями встретиться, так на все про все бери неделю, и еще дней шесть свободными останутся, так что со скуки подохнешь. Разве не так?!

Он выразительно развел руками, так что наблюдающий за ним Алексей Григорьевич с трудом сумел сдержать предательскую улыбку. О невероятной трудоспособности Ушакова ходили легенды.

– Вы совершенно правы, Алексей Григорьевич, иностранец в таком деле всенепременнейше сбрендит, а вот коли мы с вами Степана²⁴ моего к делу приставим?

Я Степку-то с малолетства знаю, пять лет дитяти исполнилось, когда я на матушке его женился. В первый раз, помнится, подарил ему игрушечную сабельку и коробку солдат. А он принял, сам серьезный такой, не улыбнется. По всему видать – большим начальником станет. Толстый, крупный и при этом шустрый. Сын стольника Федора Карповича Апраксина, я его папку лично знавал, а вот со вдовой уже после смерти супруга-то знакомство свел. Вот как бывает. Моя Елена Леонтьевна²⁵ – добродетельнейшая из женщин, я вам доложу. Вы не слушайте, что ее за глаза усатой кличут. Знаю я, кто слухи сии распускает, наблюдаю, но ничего не предпринимаю пока. Усы присутствуют, врать не стану, впрочем, на усы я тогда не смотрел. На красоту ее загляделся, на стать! Увидел, понял: пропал. Раньше-то люди любить умели, не то что нынешние. Про присутствующих не говорю. – Он сделал вид, будто бы смутился, но Разумовский давно уже понял: коварный старик предпочитал резать правду-матку, а если и не мог высказать собеседнику все, что о нем думает, то и дело как бы случайно допускал неприятные оговорки.

– Помню, сразу я тогда понял, не по себе каравай выбрал, не моя это жар-птица, высоко летает, и небо у ней другое. Хоть в лепешку разбейся, хоть звезду с неба достань, и не взглянет на раба своего... – Ушаков кивнул лакею, и тот проворно извлек из комода штоф и разлил в заранее расставленные на столе рюмки вишневую наливку.

– Как же вы уговорили Елену Леонтьевну выйти за вас? – Несмотря на намеки Ушакова, Разумовский был очарован рассказом.

– Да как бы я уговорил? Так бы и стоял под ее окнами по стойке смирно, пока не обратился бы в соляной столб. Думал, уж совсем изведет меня любовь эта, зараза. А тут как раз случилась оказия, вызывает меня Петр Алексеич для какого-то доклада. О постройке кораблей, что ли... доглядывал я тогда за работами на верфи, не суть. Помню, спрашивает он меня, отчего ты, братец, с лица спал? Никак недужишь? И тут я понимаю, а была не была, в ноги ему хлоп – и рапортую. Так, мол, и так, влюбился, чрез любовь сию и помираю. Он меня поднял и по всей форме допросил, кто, мол, такая, какого роду-племени да где живет? Я ему – вдова Елена Леонтьевна Апраксина, урожденная Кокошкина. Знаю, говорит, такую. Богата, неглупа и собой очень даже, несмотря на усики. Вот именно, кто она и кто я? Тайный фискал Его

²⁴ *Степан Федорович Апраксин* (30 июля (10 августа) 1702 – 6 августа (17 августа) 1758, Санкт-Петербург) – русский генерал-фельдмаршал времен Семилетней войны, который командовал русской армией при Гросс-Егерсдорфе.

²⁵ *Елена Леонтьевна*, урожденная Кокошкина. По первому мужу Апраксина, по второму Ушакова. Свадьба с ней состоялась через ходатайство самого Петра I.

Императорского Величества. Она согласится, так родня ее меня в штыки примет. Не в штыки, так все одно – роптать станет.

Выслушал меня Петр Алексеич да как заорет: «Я им поропщу, окаянным!» И тут же приказ издал, меня в гвардейские капитаны, но с тем, чтобы впредь все поручения получать непосредственно от Его Величества, и не иначе. К званию – поместья и крестьян. А потом обрядил меня в один из своих кафтанов, благо что росту я на полголовы всего ниже Его Величества, а в плечах столь же широк, и повез с невестой будущей знакомиться. Когда царь сватает, какая же дура откажется. Вот с тех пор и живем в любви да согласии.

Впрочем, я не о себе, о пасынке хотел сказать. Он, конечно, теперь, что называется, на коне, секунд-майор Семеновского полка, орден Святого Александра Невского. Но ведь зато везде, где надо, пройти сможет. Знакомствами какими оброс! Ему иногда за глаза пеняют, мол, Миниха²⁶ предал, но да, я ведь допрашивал этого Миниха и знаю, такого не грех и предать, много кому от падения дражайшего Бурхарда добра перепало, – Ушаков смерил пытливым взглядом Разумовского, но тот умел держать удар и не вспылит. Все знали, что после ареста Миниха большая часть его владений досталась именно Алексею Григорьевичу.

– Как известно, в решающий момент Миних поставил не на ту карту, – Разумовский торопливо отпил из своей рюмки, в свою очередь наблюдая за реакцией начальника Тайной канцелярии. Ни малейшего замешательства или смущения. Ушаков никогда не участвовал ни в каких переворотах, но все государи его отчего-то любили, Петр Великий считал Андрея Ивановича своим человеком, благодетельствовал его и даже, как выяснилось, устроив брак с любимой женщиной, Екатерина I²⁷ пожаловала Ушакова в генерал-лейтенанты и наградила орденом Святого Александра Невского. В то время он уже плотно занимался раскрытием самых сложных уголовных дел. Когда же на престол вступила Анна Иоанновна²⁸, Ушаков был назначен сенатором, а также начальником Канцелярии тайных и розыскных дел. Поговаривали, будто он лично пытал Волынского²⁹, а после падения Анны Иоанновны – ее любимчика Бирона³⁰, которого перед этим поддерживал в его стремлении сделаться регентом при малолетнем Иоанне Антоновиче³¹.

Во время переворота, посадившего на трон Елизавету Петровну, Ушаков решил не вмешиваться и на некоторое время даже уехал в деревню, откуда был вызван возглавить комиссию по делу Остермана³² и иных противников новой власти.

²⁶ Граф *Бурхард Христоф фон Миних*, в России был известен как Христофор Антонович Миних (9 мая 1683, Нойенхунторф, Ольденбург – 16 (27) октября 1767, Санкт-Петербург) – российский генерал-фельдмаршал (1732), наиболее активный период деятельности которого пришелся на правление Анны Иоанновны, гвардии подполковник Преображенского лейб-гвардии полка (с 1739 года за победу над Турцией).

²⁷ *Екатерина I* (Марта Самуиловна Скавронская, в браке Крузе; после принятия православия Екатерина Алексеевна Михайлова (5 (15) апреля 1684 – 6 (17) мая 1727) – российская императрица с 1721 года как супруга царствующего императора, с 1725 года как правящая государыня; вторая жена Петра I Великого, мать императрицы Елизаветы Петровны.

²⁸ *Анна Иоанновна* (28 января (7 февраля) 1693 – 17 (28) октября 1740) – российская императрица из династии Романовых.

²⁹ *Артемиий Петрович Волынский* – (1689 – 27 июня (8 июля) 1740, Санкт-Петербург) – российский государственный деятель и дипломат. В 1719–1730 гг. астраханский и казанский губернатор. В 1722 году упрочил свое положение браком с двоюродной сестрой Петра Великого. С 1738 года кабинет-министр императрицы Анны Иоанновны. Противник «бироновщины». Во главе кружка дворян составлял проекты государственного переустройства. Казнен.

³⁰ *Эрст Иоганн Бирон* (23 ноября 1690 – 28 декабря 1772) – фаворит русской императрицы Анны Иоанновны, регент Российской империи в октябре-ноябре 1740 года, граф Священной Римской империи (1730), герцог Курляндии и Семигалии (1737). В 1740–1761 гг. в ссылке.

³¹ *Иван VI* (Иоанн Антонович) (12 (23) августа 1740, Санкт-Петербург – 5 (16) июля 1764, Шлиссельбург) – российский император из Брауншвейгской ветви династии Романовых с октября 1740 года по ноябрь 1741 года, правнук Иванам.

³² Граф (1730) *Георх Иоганн Фридрих Остерман* (в России – Андрей Иванович; (30 мая (9 июня) 1687, Бохум – 20 (31) мая 1747, Березов) – один из сподвижников Петра I, выходец из Вестфалии, фактически руководивший внешней политикой Российской империи в 1720–1730-х гг. Занимал пост вице-канцлера и первого кабинет-министра. В 1740 году был произведен в чин генерал-адмирала, но после переворота 1741 года попал в опалу и был лишен чинов и титулов.

Пять государей подряд, ну, пусть четыре вместе с Петром II³³, младенец Иоганн не в счет, и всем не продержаться без Ушакова.

– Я Миниха никогда не жаловал, а вот он очень даже хотел завязаться со мной тугой веревочкой, а потом на моих плечах да в... Впрочем, мне на него грех жаловаться, помог Степку в люди вывести, хорошие рекомендации ему давал, все надеялся, что я его за то благодарить стану. Наивный. Я ему спасибо не сказал, потому как если он в донесениях самой императрице врал, будто пасынок мой больших успехов добился, и он им весьма доволен, стало быть, его это грех. Ибо не пристало подданным государыню обманывать. А если Степка всего сам добился, так при чем здесь Миних? Сам и молодец. Посему я нынешнюю Степкину дружбу с канцлером очень даже одобряю. Не такой человек Бестужев³⁴, чтобы с шантрапой якшаться. Одно в Степане Федоровиче плохо, слишком он любит на виду хвост распускать, привык, понимаешь ли, в Персии каждый день новый кафтан себе шить, к роскоши, к блеску прикипел, зараза. А все почему? Потому что расслабляет эта дипломатическая служба нашего брата, простого солдата.

На прошлой неделе на приеме у канцлера видел его, стоит на самой верхней ступеньке мраморной лестницы колосс Родосский, ноги – две колонны, головой потолок подпирает, сам поперек себя шире, красуется, вишь ты. Так туда, почитай, одновременно с нами знакомцы какие-то канцлера приехали, не помню уж, кто, с юной дочкой. Девица, как чудо сие узрела, тотчас в обморок и рухнула. Видать, от роду такого экземпляра не видывала и о том, что проживает эдакое чудо на божьем свете, а не стоит где-нибудь в кунсткамере, представления не имела. Хорошо хоть жена³⁵ ему – Степану то есть – досталась под стать, не то точно поломал бы, окаянный, потому как силища... в батю пошел.

Ну ладно, посмеялись и будет, я Степана к себе письмом вызвал, Елена Леонтьевна очень уж желают сыночка ненаглядного видеть. Но прежде чем к делу пристроить, как водится, с вами хочу все обговорить. Потому как дел у Тайной канцелярии нынче слишком уж много, не до всего руки доходят, а тут первостатейной важности, так что я вот думаю: возьмемся со Степой вместе по-тихому, по-родственному. Мужик ведь как говорит, сор из избы. А мы со Степаном Федоровичем, почитай, одна изба и есть. Степка ведь мне заместо сына. Нам с Еленой Леонтьевной Господь одну только дочку подарил, Катеньку³⁶. Была бы здесь, я бы и ее к делу приладил. Да только не достать ноне, по заграницам вместе с мужем и детками летает. Петр Григорьевич³⁷ – зять мой разлюбезный – нынче посланником в Германии, а до этого в Дании переговоры переговаривал. Впрочем, если со Степаном не выйдет, назначим кого посообразительнее. Тут ведь, как я понял, главное, чтобы ставленник наш не столовался на счет Шувалова... – Андрей Иванович метнул в Разумовского быстрый взгляд и тут же улыбнулся. На этот раз снаряд достиг цели. Алексей Григорьевич не успел сделать каменное лицо и прокололся.

– Вы правы, – развел руками Разумовский. – И супротив вашего пасынка я, как вы понимаете, ничего не имею. Собственно, мы с ним мало знакомы. Я только одного побаиваюсь, уж больно Степан Федорович заметная ныне фигура. С одной стороны, оно, конечно, и неплохо,

³³ *Петр II Алексеевич* (12 (23) октября 1715, Санкт-Петербург – 19 (30) января 1730, Москва) – российский император, сменивший на престоле Екатерину I.

³⁴ *Граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин* (22 мая (1 июня) 1693, Москва – 10 (21) апреля 1766, там же) – русский государственный деятель и дипломат, граф Российской империи (с 1742 года, лишен графского достоинства в 1758 году, возвращено в 1762 году), граф Римской империи (1745), канцлер Российской империи при Елизавете Петровне, владелец Каменного острова в устье Невы.

³⁵ *Агриппина Леонтьевна Соимонова* (4 июня 1719 – 28 октября 1771) – дочь генерал-поручика Леонтия Яковлевича Соимонова и жены его, рожденной Кокошкиной. При назначении в 1756 году Апраксина главнокомандующим русскими войсками в Пруссии императрица Елизавета Петровна пожаловала Агриппину Леонтьевну в действительные статс-дамы.

³⁶ *Графиня Екатерина Андреевна Чернышева*, урожденная Ушакова (22 октября 1715 – 25 сентября 1779) – фрейлина, жена дипломата графа П. Г. Чернышева; мать графини Д. П. Салтыковой и княгини Н. П. Голицыной.

³⁷ *Граф Петр Григорьевич Чернышев* (24 марта 1712 – 20 августа 1773) – русский дипломат, действительный тайный советник, действительный камергер и сенатор.

будет допрос вести, вряд ли кто, зная заслуги его перед отечеством, лгать посмеет. А с другой... и потом, одно дело придворных стращать, а совсем другое... – Он не смог подобрать нужных слов. – В общем, станет генерал-аншеф со всякой прислуги показания снимать? Во всякие тонкости низкого люда вникать, а ведь кто-то эти жемчужины не поленился сначала выкрасить, а затем к платью пришить. Скажете фрейлины? Статс-дамы ручки нежные марали? Краска въедливая, враз бы спознали. Кто-то из служанок, из портних... боюсь, бросит Степан Федорович это дело, не начав.

– И то верно, батюшка. Изленился мой Степка чрезмерно, впрочем, оно поправимо. Есть у меня и другой кандидат на примете, кстати, тоже Степан, но этот уж шустр до чрезвычайности. При Тайной канцелярии служит, шестнадцать годков от роду, но сметлив и на ногу легок. Шешковский³⁸ его фамилия, сын Ивана Емельяновича³⁹, канцеляриста сенатского. До девяти лет воспитывался дома, а потом как раз Высочайший указ последовал, чтобы «офицерам, дворянским и против всякого звания служилым и подьяческим детям от семи лет и выше явиться в Санкт-Петербурге у герольдмейстера и малолетних записывать в школы и обучать грамоте и прочим наукам, кто к чему охоту возымеет». Привел его, значит, Иван Емельянович, проэкзаменовали и тут же определили в коллегии экономии для последующего определения в греко-латинскую школу с обучением латинскому языку. Год прошел вполне удачно, а потом школа возьми да и сгори совсем. Пришлось воспитанников, кого по другим учебным заведениям не перераспределили, домой вертать. Еще год дома отсидел, да отец его на службу в Сибирский приказ определил, в число приказных недорослей.

К нам в Тайную канцелярию он поступил три года назад, тем не менее до сих пор приписан к Сибирскому приказу. Я уж и сам хотел просить высочайшей милости перевести паренька в Санкт-Петербург насовсем, и тут ваше письмо. Жемчуг этот неладный. Вот я и подумал, там, где мой пасынок по причине чрезвычайной своей полноты не пролезет, этот шустрик непременно прошмыгнет. Собственно, я почему хотел пасынка к этому делу приставить, он у меня из-за границы вернулся и покамест вроде как свободен, прикажу – сделает что велено, и при этом его на время расследования не придется от основной службы избавлять. А вот Шешковский служит и весьма усерден. Мы ему сейчас вышлем из Сибирского приказа предписание явиться к месту прохождения постоянной службы, а он вроде как откажется, сперва при свидетелях мне прошение подастали в ноги кинется, посмотрим, как лучше по обстоятельствам сложится, чтобы, значится, отстоял я его. А когда я руками разводить стану, сорвется и сбежит. В Сибирский приказ не явится – неповиновение, стало быть, проявит, у нас тоже никто с него ежедневного сидения спрашивать не станет, в свободном, стало быть, полете. А пока он таким макаром между небом и землей зависнет, мы его нашими делами-заботами и обременим. Как считаете, хорош план?

– А коли его за неподчинение приказу Шувалов в крепость заточит? – нахмурился Алексей Григорьевич.

– Кто заточит? – явно на показуху удивился Ушаков. – Сашка заточит? И это при живом-то начальнике? Шиш ему, а не Шешковского. Начнет не на месте усердие проявлять, враз сыщем, кому из его парика пыль-то выбить. В розыск разве что может объявить, его право. А как словит да запрет, так парнишку и освободим. Потому как к тому времени у меня уже приказ об увольнении негодника из Сибирского приказа и о зачислении его на постоянную должность в Тайную канцелярию высочайшим именем подписанный будет.

В общем, он тоже сегодня должен прибыть. А дальше уже решим, кто этим делом займется и как станем действовать, чтобы клятый мой заместитель ни о чем не догадался.

³⁸ *Степан Иванович Шешковский* (20 ноября (1 декабря) 1727, Санкт-Петербург – 12 (23) мая 1794, Санкт-Петербург) – тайный советник, состоявший «при особо порученных от ее императорского величества делах», заведовавший Тайной канцелярией.

³⁹ *Иван Емельянович Шешковский* (1691–1767) – канцелярист в Правительствующем сенате.

Любой на месте Разумовского бы, наверное, удивился, а удивившись, и возмутился, отчего Андрей Иванович предлагает такой скромный выбор – всего два человека, что у него, в Тайной канцелярии толковых людей в обрез? Но, давно зная Ушакова, Алексей Григорьевич уже заприметил, что главный заплечных дел мастер империи, как нередко именовали начальника Тайной канцелярии, был невероятно щепетилен в отборе людей. Как он сам неоднократно говаривал, желал бы трудиться, как делал это в свое время незабвенный Федор Юрьевич Ромодановский⁴⁰ – князь-«кесарь» и глава легендарного Преображенского приказа. Несмотря на невероятный авторитет у царя и сосредоточенную в руках князя-кесаря власть, подвластный ему приказ отнюдь не изобиловал праздными людишками. Читайте сами: два дьяка и пять-восемь подьячих, дозорщик, два лекаря и лекарский ученик, заплечный мастер, четыре сторожа, четыре конюха и шестнадцать рабочих различных специальностей.

Кроме того, в распоряжении приказа находилось несколько десятков офицеров и солдат гвардии, прикомандированных к нему для несения караульной службы.

Подражая своему кумиру, Андрей Иванович также держал подле себя только самых проверенных и талантливых работников, которые обычно были заняты разбором сразу же нескольких дел, и оттого он, даже если бы захотел, не мог выделить для расследования дополнительные силы.

– А ЧТО КОЛИ по окончании расследования выяснится, что жемчуга похитил ну... чтобы меня вором выставить?

– В смысле ваш стародавний недруг Александр Шувалов?

– Ну да, что тогда с вашим следователем будет? Шуваловы же его непременно изничтожат.

– А, двум смертям не бывать, спрячу Степашку тогда в Преображенском приказе, пасынок же за Бестужевым, дай ему бог здоровья, схоронится. А то, бог даст, государыня скovyрнет, наконец, всю эту шуваловскую змеиную породу, а тогда можно будет уже и не таиться.

⁴⁰ Князь-«кесарь» *Федор Юрьевич Ромодановский* (ок. 1640 – 17 (28) сентября 1717) – русский государственный деятель, фактически руководивший Русским царством в период отсутствия Петра I в столице. В 1686–1717 гг. глава Преображенского приказа розыскных дел. Кроме того, руководил Сибирским и Аптекарским приказами. Генералиссимус потешных войск. Владелец мызы Ропша (Ропшинский дворец).

Глава 7. Начало следствия

ИЗ ДВУХ ПРЕДЛОЖЕННЫХ Ушаковым кандидатов в следователи, как и предполагал Разумовский, к назначенному времени явился только Шешковский. Маленький и тощий, с острым носом, не по возрасту рано редеющими на висках темно-русскими волосами, глубоко посаженными серыми глазами, он не был красив, но при этом оставлял вполне благоприятное впечатление. Отчего-то подумалось, что так может выглядеть студент-медикус, писарь в какой-нибудь трапезной конторке, приказчик или даже... если припудрить, подкрасить, натянуть курчавый парик и приличное случаю платье... м-да... учитель в богатом доме, приехавший ко двору иноземный герцог-приживал. Алексей Григорьевич задумался: во внешности Шешковского было интересно уже то, что он словно был создан менять обличья. Конечно, с его росточком было бы проблематично переодеться в гвардейца императора Фридриха II, но при этом через десяток другой лет он, пожалуй, с легкостью мог бы исполнить роль самого Фридриха. А действительно, Шешковского было сложно определить и по национальному признаку, да и возраст... только что Разумовскому казалось, что перед ним неоперившийся птенчик, мальчишка в мундирчике с чужого плеча, а вот теперь, умывшись с дороги и согревшись горячим пуншем, «хамелеон» вдруг буквально на глазах преобразился в весьма привлекательного молодого человека, так что, если бы Алексей Григорьевич не знал о цели приезда дознавателя к Ушакову, вполне мог бы вообразить, что юноша приходится грозному Андрею Ивановичу ближайшим родственником.

К обеду вместо Степана Федоровича прискакал его денщик с письмом. Оказалось, что тот решительно не может оставить занятого вистом канцлера, за что просил прощения, далее шли уверения в преданности и сыновней любви, с полагающимися в таком случае поцелуями матушке. Так что сели за стол вчетвером. Ушаков с супругой, Разумовский и весьма довольный подобным поворотом событий Степан Шешковский.

После обеда вернулись в кабинет Андрея Ивановича, довольный порученным ему заданием Шешковский водрузил на стол привезенные с собой папки с протоколами допросов по делу о пропаже колье. После приказа Елизаветы Петровны дело значилось под грифом «секретно», так что Степан сумел отыскать их среди других документов только благодаря как всегда точным наставлениям Ушакова. Так как бумаги оказались не пыльными, можно было догадаться, что Шешковский успел пересмотреть их в дороге.

– Итак, разбираться будешь на месте. – Ушаков кивнул дознавателю, чтобы тот слушал и не зевал. – Вот список всех придворных дам и комнатных девушек, находящихся в тот день в покоях цесаревны, сразу же докладываю вам, Алексей Григорьевич, статс-дама Наталья Федоровна Лопухина⁴¹, урожденная Балк, была более вашего под подозрением. Помните, что между ней и Елизаветой Петровной на том самом маскараде приключилось?

Под пристальным взглядом Андрея Ивановича Разумовский вдруг залился предательским румянцем.

Ушаков бегло пробежался по листку взглядом и, кивнув в пустоту, передал список Разумовскому. – Вот все, кто шил и перешивал костюмы, а также размеры, цвета и цены на материал и украшения. Обратите внимание, на бурятском наряде изначально не было этих красных и зеленых бусин. Точнее, бусины были, но матерчатые, а также стеклышки, под которые подкладывали фольгу.

– Получается, что кто-то срезал предписанные украшения и пришел перекрашенный жемчуг? – удивленно поднял брови Степан.

⁴¹ *Наталья Федоровна Лопухина*, урожденная Балк (11 ноября 1699 – 11 марта 1763) – племянница Анны Монс, статс-дама императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, по приказу последней выпорота, лишена языка и сослана в Сибирь.

– В точку.

– А удалось ли обнаружить бусины, которые были отпороты от костюма? – Лицо следователя загорелось задорным румянцем.

– Как не быть, – ухмыльнулся Ушаков. – Всю мастерскую, помнится, на карачках использовали.

– Точно ли те же самые? Мастерская на то и мастерская, чтобы там с избытком водилось всякой галантерейной мелочевки, – усомнился Шешковский.

– Действительно. В мастерских же полно разных бусин и бисера? – изумился такой простой мысли Разумовский.

– На некоторых сохранились нитки, те же нитки частично оставались в костюме. Что свидетельствует о том, что отрезали их с поспешностью. – Ушаков был явно доволен таким началом.

– Значит, сие было придумано буквально в последний момент, – предположил Степан. – К чему сначала пришивать одни бусины, а затем отрывать их и заменять другими, вдруг кто заметит? Куда как проще сразу же расположить перекрашенный жемчуг. И следов не останется.

– Согласен. – Разумовский зевнул. – Известно, кто конкретно шил бурятский костюм?

– Бурятский костюм был прислан в подарок, но здесь его решили малость украсить, все-таки дворец, вот девице Шакловитой и было приказано расшить платье бусинами да блесками, что она и сделала. Получила три коробки с мишурой и разукрасила ими платье и кокошник.

– А почему тогда эта самая Шакловитая не обратила внимание на то, что после платье было разукрашено уже по-другому? Почему вообще никто не возмущился, что оно выглядело не так, как было предписано?

– Я не сумел допросить Шакловитую, так как к тому времени, как обнаружилась кража, она уже лежала в горячке, и цесаревна потребовала перенести больную подальше от дворца. М-да... это тогда я решил, что в горячке, зимнее время, сквозняки... теперь понимаю, неспроста. Да и кто же мог хотя бы предположить, что драгоценные жемчуга на платье пятилетнего ребенка? Проворонил, каюсь. Другие девушки были допрошены, но ничего подозрительного не заметили. А те, что забирали костюмы из мастерской, Мария Яковлевна Долгорукая⁴² пятнадцати лет и Мария Иродионовна Кошелева⁴³ четырнадцати, собрали целый ворох платьев и понесли их в покои. Всем хватило, все влезли, ну и слава богу.

– Получается, что никто не знал, как должен выглядеть бурятский наряд, – подытожил Разумовский.

– Я и сейчас, признаться, не представляю, – улыбнулся Степан. – Никогда не видел, надеюсь, он не сильно пострадал после стирки? Вы говорили, залинял? Сильно?

– Сильно, к тому же жемчужины с него уже срезали и по описи передали в Тайную канцелярию, – с явным недовольством пояснил Андрей Иванович. – Торопятся, когда не надо, сукины дети.

– Да, у нее и тогда ручонки были вымазаны в чем-то красном, и рот тоже... – рассеянно произнес Разумовский.

Оба следователя уставились на него.

– Я, признаться, тогда еще подумал, уж не наелась ли наша Айдархан краски, не дай бог.

– Вы это сами видели? – подскочил со своего места Ушаков. – Точно видели? Отчего же ничего не сказали?

– Так меня и не спрашивали, – в свою очередь удивился Разумовский. – А красотка Айдархан у меня полвечера на коленях сидела, пирожные уминала. Очаровательная была,

⁴² Мария Яковлевна Долгорукая (ок. 1728–1761), в замужестве Грузинская.

⁴³ Мария Иродионовна Кошелева (Родионова) (1 июля 1725 – 26 марта 1782) – фрейлина с 25 октября 1744 года по август 1748 года (уволена).

доложу я вам, девочка, великая княжна в ней души не чаяла, Мария Семеновна Чоглокова официально сделалась ее крестной матерью.

– Хотите сказать, что краска была непросохшая? – поднял брови Степан.

– Полагаю, что, как всякая пятилетняя глупышка, она эти бусины в рот тянула, вот краска и потекла. – Ушаков довольно потирал руки.

– Но в этом случае получается, что девочка могла увидеть жемчуг? – не поверил сказанному Разумовский.

– Да если и увидела, что она могла понять? Что бусинка из красной сделалась белой?

– А почему тогда этого никто больше не заметил? – парировал Шешковский.

– Да потому, что маленькая троглодитка только по-пробовала бусинку, та оказалась невкусной, а Алексей Григорьевич ее тут же отвлек аппетитными пирожными. Бусину же она полизала и бросила, так что та не стала полностью белой или стала, но была где-то в малодоступном глазу месте. Да и кто станет придирчиво разглядывать платье пятилетней девочки, когда вокруг полно прелестнейших созданий? – предложил свою версию Ушаков.

– Как же не доглядывать, если Айдархан – любимица цесаревны, за ней во всякое время две няньки наблюдали, вот эти вполне могли заметить, как пигалица грызет бусинки, и хлопнуть ее по шаловливым пальчикам или даже губам, – Алексей Григорьевич нахмурился, – только не помню я, как звали этих нянек.

– В любом случае перво-наперво я бы к самой Айдархан заглянул, выяснил, что она обо всем этом думает, – довольно откинулся в кресле Шешковский.

– Заглянешь, разумеется, да только она же сама жемчужины сдала, добровольно, никто ее за руку не тянул или... – Ушаков пристально посмотрел на Разумовского. – А точно ли она одна платье стирала? Может, помогал кто? Или зашел не вовремя, чудо углядел, так что немислимо было уже припрятать.

– А может, она начала стирать, бусины залиняли, Айдархан напугалась, что ее обвинят в порче платья, и на помощь позвала? – перебил начальника Степан.

– Государыня сказывала, что так и было, Айдархан звала на помощь и... А вот был ли кто-то с ней... – Разумовский задумался.

– Ничего, Алексей Григорьевич, выясним. Одна загадка уже свой хвост показала. А ты, Степан, не забудь и про другую, что стало с девушкой, которая платье бурятское расшивала? Кто приказал? Кто мишуру принес, с кем ела, пила, ну, все, что в таких случаях спрашивают. После того как дело закрыли, я ее в покое оставил. Ан, теперь вижу, – зря.

Глава 8. Розан и розги

ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ поехать на постоянный двор, куда отправилась государыня с Чоглоковой и Бецким, Разумовский сразу же направился в имение Строгановых Братцево, так как постоянный двор был лишь временной остановкой, необходимой Елизавете для посещения колдуна, а теперь, после того как Ее Величество отдохнула и пришла в себя, двор уже добрался до места назначения. Первым делом Алексей Григорьевич скинул дорожный кафтан на руки подоспевшего слуги, спросил, чем занимается сейчас Елизавета Петровна, и, узнав, что государыня изволит слушать итальянского скрипача, повелел топить баню.

Когда, распаренный и отдохнувший, закутавшись в теплый халат, Алексей Григорьевич приказал подать ему обед в спальню, лакей, смущаясь, протянул ему платок с завернутым в него цветком.

По тому, что парень не смел поднять на господина глаз, Разумовский заключил, что тот посчитал, что фаворит императрицы получил сей подарок от какой-нибудь ветреной прелестницы. Вот ведь пропасть! Совсем забыл про чертов цветок! Алексей Григорьевич кивнул слуге, недовольно бросив шелковую бутоньерку на стоящий рядом стул.

Теперь ему уже не казалась хорошей идея спасти честь неизвестной ему дамы, в любой момент Елизавета Петровна могла зайти в покои своего тайного супруга и вряд ли обрадовалась бы, обнаружив такую улику. Мало того, лакей запросто мог показать цветок другим слугам, и теперь кто-нибудь из них уже несся с докладом к Шувалову или даже... О последнем не хотелось и думать. Нужно было первым рассказать о проклятом цветке государыне и молиться, чтобы сластолюбивый Бецкой подтвердил его, Разумовского, невиновность.

Тем не менее, услышав шаги в прихожей, Алексей Григорьевич схватил цветок, который вдруг развалился в его руках, превратившись в весьма потрепанную длинную ленту. Точно заезжий фокусник, господин обер-егермейстер пытался собрать розовые ленты, запихивая их себе в карман. Когда на пороге показался тот же лакей, Разумовский чертыхнулся, бросив перед собой то, что еще совсем недавно было бальным цветком.

– Меня похитили, – произнес лакей, переводя рассеянный взгляд с лица Разумовского на стол с разложенными на нем лентами.

– Что?! – опешил Алексей Григорьевич.

– «Меня похитили. Помогите», – вот же написано, – продолжая держать одной рукой поднос с горячим, другой рукой парень неуверенно поднял ленту, повернув ее к Разумовскому так, что теперь он и сам мог прочитать. – Кровью писано?..

– Бецкого ко мне! Одна нога здесь...

Хлопнув поднос о стол, лакей рванул с места, оставив Алексея Григорьевича наедине с непрошенной загадкой. С одной стороны, ему следовало срочно направить слугу к Ушакову, которому он доверял. Но Андрей Иванович, без сомнения, пожелал бы знать, как именно цветок с посланием оказался у Бецкого, а может быть, Бецкой ни при чем, и цветок попал в карету еще до того, как туда сели Мария Семеновна с Иван Иванычем. Сложно себе представить, что, готовя к выезду карету, слуги настолько забылись, что плохо ее почистили? Или, быть может, цветок как раз уронил кто-то из дворцовой прислуги.

«Ну да, именно так, – рассмеялся про себя Алексей Григорьевич, – надев свои лучшие наряды, слуги воцат полы и чистят кареты... Нет, не работать мне в Тайной канцелярии».

За этими размышлениями его и застала Елизавета Петровна. Первым делом показав императрице послание на ленте, Разумовский предложил ей отобедать вместе, но государыня пожелала прежде допросить Бецкого. Как выяснилось, Чоглокова была вынуждена сразу же по возвращению на постоянный двор отправиться в столицу, где ей предстояло улаживать про-

блемы, связанные с беглой фрейлиной, так что допросить ее по поводу ночного происшествия не представлялось пока возможным.

Глава 9. Айдархан

ПОЛУЧИВ ЗАДАНИЕ ПООБЩАТЬСЯ со швеями, слугами и особенно буряткой, значащимися в списке Андрея Ивановича, да заодно ввести в курс дела его пасынка, очень довольный новым заданием, а главное, что начальник пообещал перевести его из Сибирского приказа, Степан Шешковский вернулся в столицу. Карманы его приятно оттягивали полученные от Разумовского монеты. Кроме того, Алексей Григорьевич выдал юноше записку к своему камердинеру, согласно которой молодой человек мог в любое время дня и ночи получить у того практически любую сумму, не объясняя причин.

«Как же, не объясняя, – Степан невольно хмыкнул, вспоминая, как вытянулось желтоватое лицо Ушакова: «Чтобы под строжайший отчет! За каждый гривенник чтоб!» Нет, с таким начальником, как добрейший Андрей Иванович, не загуляешь, не запьешь, не покутишь с веселыми девками. Впрочем, не очень-то и хотелось. Куда как интереснее поскорее заняться делом, а для этого у него теперь все, что нужно, на руках – специальный документ, по которому в интересах следствия его обязаны пускать в любую резиденцию государыни днем и ночью.

МАЛЕНЬКАЯ АЙДАРХАН СИДЕЛА возле изразцового камина в Летнем дворце императрицы, занятая шитьем. Узнав, что ее желает навестить следователь, девушка с перепугу уколола палец, да еще и, вскочив, умудрилась спихнуть со стола на пол всю свою работу.

– Простите, если напугал, – Степан улыбнулся девушке, невольно отмечая, что, несмотря на плоское лицо и раскосые глаза, та весьма привлекательна.

– Вы не виноваты, сударь. Это я сама последнее время такая неуклюжая, – она густо покраснела и, чтобы скрыть смущение, опустила на колени, собирая разноветные катушки. – Просто как отыскался этот самый жемчуг, я каждый день жду, что меня потащат в Тайную канцелярию. Да только я ведь все жемчужинки отдала, то есть я ведь их даже отпороть не успела. То есть и не собиралась отпарывать, я платье хотела в порядок привести, откуда мне было знать?.. А теперь лакеи прохода не дают, все интересуются, как жемчуга Елизаветы Петровны попали на мой детский наряд. Но я ведь ни слухом ни духом. – Она размашисто перекрестилась.

– Айдархан, – попытался успокоить ее Степан.

– Айдархан – так меня Алексей Григорьевич называть изволят, и все за ним. А на самом деле меня еще малышкой крестили, и по правилам теперь следует называть Анной. Вот. Впрочем, можете Айдархан.

– Хорошо, Айдархан. Не волнуйся так, я ведь тоже не чурбан, понимаю, не ты жемчуга на свое детское платье пришивала. Это не работа для пятилетнего ребенка. Так что никто тебя обвинять не собирается.

– Ну и слава богу! – Девушка хотела было снова перекреститься, но, должно быть, передумала и вернулась к работе.

– Скажи, Айдархан, а что ты мастеришь?

– Одна придворная дама попросила меня немного переделать ее платья. Работа несложная, здесь пару вытачек убрать, тут китовый ус удалить, потом лишние нитки вытащить и все как следует отутюжить, чтобы следов не оставить. – Маленькие ловкие пальчики Айдархан так и летали над разложенным перед ней шелковым платьем.

– Растволстела? – понимающе ухмыльнулся следователь.

– Не то чтобы сильно, – хихикнула бурятка, на мгновение превратившись в обыкновенную смешливую девчонку, – просто когда девушка четырнадцати-пятнадцати лет поступает на службу, ничего удивительного, если у нее, скажем, вы уж простите меня, сударь, грудь начинает расти, или сама она вдруг становится выше. А меж тем платья для нее пошиты на год

вперед. Вот недавно одной пришлось по подолу кант пускать, вытянулась, и платье сделалось неприлично коротким. Так я с ладонь золотой ткани по подолу ей пустила, а чтобы не так заметно было, тем же цветом рукава и ворот обработала. Так она в этом перешитом наряде точно куколка, какие Анна Васильевна делает, смотрелась. А эту работу я должна была еще к обеду спроворить. Но позавчера двор в дорогу собирался, а это ни минуты покоя, беги, неси, тут шелковый платок затерялся, там меховое манто не упаковали... Едва все уехали, иди прибирай, убирай. В общем, только сегодня и смогла за дело приняться. А тут... выточки – это ерунда, а вот чем я ей талию расставляю, ежели у меня даже похожего материала нет? М-да...

Ничего не понимая в шитье, Степан тем не менее прилежно разглядывал работу Айдархан, хваля ее за усердие и ловкость, так что через полчаса девушка окончательно расслабилась и успокоилась.

– Про тот самый маскарад, перед которым жемчужное ожерелье украли, я мало что помню, – честно призналась Айдархан. – Много этих балов, маскарадов было, но как теперь платье свое детское узрела, вмиг же признала.

– Алексей Григорьевич говорил, вы тогда за столом у него на руках сидели и вроде как бусинки пытались в рот засунуть, отчего у вас руки были в красных пятнах.

– Ага, и нянька мне тогда по рукам надавала. Вот это помню, – рассмеялась Айдархан.

– А не припомните, вы тогда заметили, что бусинки теряют свой цвет, становясь белыми?

– Видела, – немного подумав, выдала бурятка. – Я сначала решила, что это конфетки, но было несладко, а потом глядь, а бусинка уже не красная. Я испугалась, что меня накажут. Я даже не заплакала, когда меня отхлестали по рукам, потому что другим была напугана.

– И никому не показывали пострадавшую бусинку?

– Нет, конечно. Думала, если, когда спать поведут, платье отдать, то в спешке, может быть, никто и не заметит.

– Когда вы стирали платье, рядом с вами кто-то был?

– Когда стирала? Да тут разве ж можно хоть четверть часика наедине с собой побыть: днем, ночью никакого покоя, я так привыкла, что и внимания не обращаю. – Она вдруг снова сжалась, точно вспомнила что-то плохое, и Степан, стараясь перевести разговор на другой предмет, окинул взглядом комнатку прислуги, остановив взор на крошечных зеленых сапожках с золотой вышивкой, стоящих на низенькой скамеечке.

– Какая красота! – восторженно воскликнул он. – На маленькую девочку? Я, конечно, не знаток женских ног, но ведь это скорее на фею, нежели на человека. Ты расшивала?

– Это мои, – потупившись, призналась Айдархан и в доказательство приподняла край юбки и показала действительно крохотную ножку. – Государыня говорит, что во всем мире такой размер может быть только у маленьких девочек или у японских принцесс. Я не принцесса, конечно, но у меня стопы почему-то не растут. Лет до восьми росли, а потом остановились. А сапожки мне придворный сапожник тачал, чтобы я... Петр Федорович говорил, сказка такая есть, там принц принцессу по туфельке находит. Ну, сначала нашел крохотную туфельку, или она у него давно в сундуке лежала, и решил непременно жениться на той, кому она впору будет, а потом велел своим стражникам искать по всему белу свету невесту. Его милость даже хотел в придворном театре эту сказку показать, и чтобы я восточную принцессу сыграла. Только ведь это же совсем не можно, чтобы ничтожная служанка – и принцессу, а графини и княжны ей подыгрывали. Не по чину мне принцесс изображать. Так и сказала, а он, знай, смеется.

– Ну, так и что, нашел принц свою принцессу с крохотной ножкой?

– Не совсем так, не помню уже, как там, в сказке, все было, но Петр Федорович по-своему рассудил, у него стражники разделились, и каждый пошел своей дорогой принцессу искать. И вот один отыскал маленькую девочку, а другой и вовсе полстопы девице обрубил, чтобы меньше казалась... А потом Петр Федорович решил сказку не ставить, а устроить захват вра-

жеской крепости с резней. В общем, у него все этим заканчивается. Я должна была в конце спектакля появиться и туфельку надеть, но когда у великого князя военная игра начинается, тут уж... – она махнула рукой. – В общем, не получилось. А впрочем, какая разница. Вы спрашивали, был ли со мной кто, когда я стирала платье. Я только стирать начала, статс-дама Чоглокова появилась, и не просто так, а с советами, замочи-де его в кипятке, чтобы заразы не осталось, мало ли, сколько лет висело в кладовке, крысы и пауки... Сама-то небось ни разу ничего не стирала, прочтала в какой-то умной книге, и теперь хоть трава не расти. В общем, я сначала хотела в теплой воде вымочить, как другие слуги советовали, но когда Мария Семеновна начинает руководить... Тут лучше подчиниться и лишний раз рта не разевать. В общем, положила платье в таз, воды нагрела, да и... Но это ведь невозможно стирать, держа руки в крутом кипятке! Налила и оставила остывать. Мария Семеновна полюбовалась минуту-другую, как пар над тазом поднимается, да и ушла. Кто еще? Брат мой Бадархан забегал, фрейлина Анна Ягужинская⁴⁴ и Крузе⁴⁵ забегали. Я подождала немного, гляжу, беда дело, вода вроде как окрасилась, вытащила платье, а оно все в пятнах – залиняло! И главное, госпожи Чоглоковой нет. И еще неизвестно, подтвердит ли, что я всего лишь ее приказ исполняла. В общем, я в слезы, народу набилось. Все в пятна тыкают, меня ругают, а потом вдруг лакей Шкурин⁴⁶ жемчужины те приметил. То есть видны-то они были сразу, как краска сошла, но, во-первых, все на пятна смотрели, и, во-вторых, мало кто знал, что изначально бусинки красными да зелеными были, а жемчугом настоящим и поддельным многие платья расшиты, здесь этим не удивишь.

– Стало быть, Шкурин о жемчуге и доложил? – перебил ее Степан.

– Докладил, но не сразу. Он только сказал: «Это же настоящий жемчуг», и тут Чоглокова возвратилась и начала командовать. Во-первых, всем велела стоять где стоят и не разбежаться. А Шкурина отправила доложить о происшествии. И теперь, говорят, государыня его наградить обещала, да и Марии Семеновне, полагаю, тоже перепадет. Хотя Алексей Григорьевич ругался, чтобы меня не смели заставлять черную работу делать. Мол, в любой момент к государыне могут попросить, а я по милости некоторых либо кипятком обварюсь, либо ногти обломаю. Краску – ее ведь, знаете, из-под ногтей быстро не выковырнешь. В этом он, безусловно, прав, но, с другой стороны, я совсем не обижаюсь на Марию Семеновну, она за мной точно за дочерью родной доглядывает. Чоглокова так считает, лучше ручки запачкать, чем честь девичью запятнать. – Она вздохнула. – Вот и загружает работой, чтобы я лишний раз из своей комнаты не выходила. А Алексей Григорьевич с ней несогласный. Вы уж простите меня, сударь, но теперь мне нужно из дворца ненадолго отлучиться, еще утром обещала подружке ее вещи принести, да тут, как на грех, камергер великого князя Николай Наумович⁴⁷ меня задержал со своими поручениями. А почему, спрашивается, я должна его задания выполнять, пусть бы на половине Петра Федоровича комнатных девушек строжил. К нам же он, понятное дело, за супругой своей Марией Семеновной заходит, в этом ему преграды никто чинить не собирается. Но мною командовать он все равно не должен. – Она махнула рукой. – Так я теперь, пока его нет, тихонько бы и вышла. Можно?

– Ваша подруга не во дворце? – удивился Степан, и тут же Айдархан приложила палец к губам. Где-то вдалеке послышались шаги, хруст платья, и наконец в дверях показалась статная моложавая дама в белом тафтяном кафтане с зелеными обшлагами под цвет видневшейся из-под него юбки, по краю которой проходила золототканая лента, или, как ее еще называют,

⁴⁴ Анна Павловна Ягужинская (1732–1801) – фрейлина, графиня, 6 февраля 1754 года вышла замуж за лейб-гвардии поручика Петра Федоровича Апраксина, взяв его фамилию.

⁴⁵ Мария Крузе – к амер-фрау великой к нягини Екатерины Алексеевны.

⁴⁶ Василий Григорьевич Шкурин (ум. 1782) – преданный камердинер императрицы Екатерины II. Позже подполковник.

⁴⁷ Николай Наумович Чоглоков (Чеглоков) (5 апреля 1718 – 25 апреля 1754, Москва) – приближенный императрицы Елизаветы Петровны, муж ее любимой двоюродной сестры, камергер и обер-гофмейстер. С 1747 года воспитатель великого князя Петра Федоровича (будущего Петра III).

позумент. Дама имела рыжие, гладко убранные в прическу волосы, украшенные зеленоватой шляпкой с голубым пером.

– Это Чоглокова и есть. Это она опознала жемчуга, – зашептала Айдархан. – Ее допросите, а то просто удивительно, что она здесь делает, когда Ее Величество в Братцево, она же в свите должна находиться. Только позавчера ведь уехали, и тут вдруг вернулась. А я только к подружке сбегая, недалеко это, и сразу назад. Она меня с самого утра ждет.

– С кем это ты, Айдархан, разговариваешь? – насупив брови, поинтересовалась статс-дама, и Степан поднялся ей навстречу, чтобы тут же склониться в придворном поклоне.

– От графа Ушакова, по поводу обнаруженных вами жемчугов. – Он торопливо протянул выданный ему начальником документ.

– Везет мне сегодня на следователей. Только что с вашим коллегой по поводу этой нахалки Самохиной битый час толковала. И вот теперь эта кража. Что касается Самохиной, я это уже тому следователю сказала и вам повторю, дело это скорее амурного толка, нежели уголовного. Так Ушакову и доложите. И искать тут особо нечего. Да вот хоть Айдархан спросите, у вас ведь, милочка, с Самохиной никаких тайн? Правильно я понимаю? Вот ты при господине следователе и скажи, закончится это поганое дело честным и благородным образом или нет?

– Закончится, – выпалила девушка, зачем-то делая немецкий книксен перед статс-дамой. – Думаю, все, как вы сказали, и закончится.

– Знаешь, где теперь она?

– Не знаю! Хоть что со мной делайте, не ведаю! – залилась слезами Айдархан.

– Ладно, ступай тогда в зимний сад, скажи все это господину следователю. Шкурин мне только что доложил, утром из дома Анны Васильевны человек прибежал, говорит, беглянка на словах велела передать, мол, жива, здорова и надеется в самое ближайшее время вместе с предметом своей страсти пасть к ногам Елизаветы Петровны... Все, ступай. В зимнем саду найдешь следователя Синявского. Он желает допросить тебя по поводу Самохиной.

Айдархан снова присела и, не глядя собрав со стола платье и швейные принадлежности, выскочила из комнатки.

Вместе с Чоглоковой, минуя несколько коридоров, украшенных напольными вазами, картинами в роскошных рамах, с огромными каминами и изящной, по моде, мебелью, Степан прошел в совершенно пустую по случаю отсутствия государыни и двора приемную – просторный зал, вдоль стен которого стояли кресла на длинных позолоченных ножках, в которых в обычные приемные часы ожидали аудиенции посетители. Все кресла были драпированы под цвет гардин. Мария Семеновна направилась к стоящим подальше от окон креслам, должно быть, опасаясь сквозняков.

С удовольствием рассматривая убранство дворца, Степан невольно задавался вопросами, сколько же замечательных мастеров приложили руки к созданию этой дивной сказки: позолотчики, зеркальщики, паркетчики, обойщики, штукатуры, резчики.

А ведь все это время от времени изнашивается, приходит в негодность, приходится снова и снова вызывать всех этих незаменимых трудяг. Кто вошит узорные паркетки? Протирает цветочные гирлянды на спинках стульев и рамах картин? Когда Степан был маленьким, двоюродный брат Тимоха в шутку рассказал ему, будто бы полы во дворцах никто не метет, так как пылинки сметаются исключительно буклями париков иноземных посланников. Парики длинные, пушистые, а российской государыне кланяются низко-низко, вот и получается, что париками, в основном датского производства, так как даже в Париже до сих пор не переплюнули датских парикмахеров, а при дворе, ясное дело, нужно быть в самом лучшем, – так вот, именно этими дорогими датскими париками при русском дворе принято полы мести. Сие, разумеется, враки, но Степан на брата за обман не гневался, а часто, оставшись один, представлял, как рьяно важные послы метут пол в аудиенц-зале.

– Беда мне с этой Самохиной, – продолжала жаловаться статс-дама, – с утра сестрица ее прибыла, я думала, здесь графиню Анну Карловну Воронцову⁴⁸ найти или Шувалову Мавру Егоровну, да, видно, придется к государыне человека посылать за разъяснениями, прилично ли оную особу при дворе принимать. Придется теперь устроить ее до поры до времени у ее же тетки. Сумела выпросить шифр для племянниц, пушай теперь хотя бы с одной из них пово- зится.

– Простите, – не выдержал Степан, – я бы хотел спросить у вас по поводу обнаруженных вами жемчужин.

– А... ну да, я неплохо разбираюсь в жемчуге, к примеру, эта самая только что приехав- шая Полинька Самохина. Представляете, вызвали меня, мол, родная сестрица беглой Дуськи припожаловала, радуйтесь! В другое бы время я бы нашла, кого к ней прислать, но тут все в Братцево, делать нечего, иду в приемную, смотрю, что такое – стоит девица-краса, на сестренку свою ничем не похожая. Дусенька-то тоненькая, беленькая, маленькая, что твой одуванчик, а эта – пахоть можно. Крепенькая такая, чернявая, а на шейке двойная нитка жемчуга с цветоч- ком посерединке. Точно таким, как у ее сестры-вертихвостки. Знаете, как бывает, когда в семье такие разные девицы подрастают, родителю одно остается, заказывать им одинаковые вещи, чтобы зависти избежать. Я сначала, что они сестры, даже поверить не могла, думала, ошибся лакей, а как ожерелье-то заметила, никаких сомнений.

Марию Семеновну явно распирала заслуженная гордость: сначала жемчуг императрицы, а теперь еще и это ожерелье. На месте Степана Ушаков без сомнения сначала бы позволил словоохотливой статс-даме излить душу по поводу столь интересующего ее предмета, но Степан вдруг подумал, что не худо было бы еще раз переговорить с Айдархан и заодно перемолвиться парой слов с работающим над делом беглой фрейлины следователем. В конце концов, Синяв- ский уже некоторое время находился при дворе, успел со многими переговорить и мог быть чем-нибудь полезен.

– Вы сразу опознали жемчуг Ее Величества?

– Не сразу, кольцо пропало много лет назад, к тому же жемчужины были нашиты на пла- тье... с другой стороны, такие крупные и ровные... без сомнения, я узнала бы их, будь у меня хотя бы несколько минут наедине с сокровищем. А так я просто отметила, что это настоящий жемчуг, и, как видите, была права.

– В тот день, когда обнаружили жемчуг, с какой целью вы заходили в комнатку к Айдар- хан?

– Без всякой цели, – немало удивилась Чоглокова, – я услышала крик и плач и... У этой глупышки Айдархан золотое сердце и руки волшебницы. Если вдруг дама зацепит платье за какую-нибудь колючку в саду или торчащий из стены гвоздь, Айдархан так починит одежду, следа не найти. Если разошлось редкое кружево, она каким-то непостижимым образом умуд- ряется связывать порванные нитки. То же с вышивками, да и вообще... Когда двор переезжает, а он очень мало времени проводит на одном месте, вслед за каретами бесконечной чередой движутся повозки с сундуками, в которых везут личные вещи придворных. Так вот, я знаю всего одну служанку, обладающую настолько дивным чутьем, что она способна отыскивать среди всех этих сундуков, узлов и баулов именно то, что тебе в данный момент нужно. Впро- чем, вещи все равно теряются, их могут по ошибке заслать не на тот постоянный двор, на кото- рый определен их хозяин или хозяйка. Представляете, каково, проснувшись утром в дрянной гостинице или, еще лучше, в промокшей от дождя палатке, и вдруг обнаружить, что твоих вещей нет, и тебе решительно не в чем пойти ни на службу в церкви, ни к завтраку! Но ведь

⁴⁸ Графиня Анна Карловна Воронцова, урожденная графиня Скавронская (7 (18) декабря 1722 – 31 декабря 1775 (11 января 1776)) – жена канцлера графа Михаила Илларионовича Воронцова, двоюродная сестра императрицы Елизаветы Пет- ровны, статс-дама, владелица торгового села Кимры.

всем известно, что невозможно показаться при дворе два раза подряд в одном и том же! И тут на помощь приходит наша Айдархан и... Она набрасывает на плечи одной потеряшке длинную шаль, под которой ее вчерашнее платье делается совершенно неузнаваемым. Добавляет другой на лиф роскошный бант, который отвлекает внимание, заставляет девушек меняться накидками, и все в таком же роде. Добавьте к вышеперечисленному ее способность быстро и качественно приводить вещи в порядок. В общем, вы поняли.

Я знаю Айдархан с того времени, как ее доставили во дворец, и признаю за этой девушкой единственный недостаток: она невероятно добра и совершенно безотказна. Если ее попросить что-то сделать, она сделает, даже если для этого ей придется ночь не спать. И еще она невероятно доверчива. Будучи ее крестной, я мечтаю найти ей достойную пару среди слуг, с тем чтобы Айдархан никогда не покинула двор. Это ведь фрейлинам нельзя находиться при особе государыни после замужества, а с прислуги кто спрашивает?

Есть, правда, мнение, будто бы такая умница и красавица, как наша японская принцесса Айдархан, так с некоторого времени называют ее, достойна лучшей участи. Но это ведь как посмотреть, что лучше, а что хуже. Для развратной, все повидавшей девицы, может быть, и почетно устроиться в доме высокого покровителя, откуда ее неминуемо прогонят, едва она сделается старой или надоеет своему повелителю. А что затем? Я слабая женщина, но в решительный момент и у меня хватит сил, дабы противостоять злу. Да! Имея такую умную фамилию, и делать такие глупости... Нет, для такой невинной души, как наша Айдархан, я не вижу лучшей доли, чем законный брак.

Разумеется, мне совсем не нравится, что она подружилась с этой влюбленной дурочкой. И еще одно. Если вдруг мои предположения верны, и Айдархан продолжает поддерживать отношения с Самохиной и помогает ей, то в случае, если Ее Императорское Величество не простит беглянку, на орехи может достаться и Айдархан. А мне бы этого очень не хотелось. – Она задумалась. – В общем, я попросила вашего коллегу, чтобы тот своей властью распорядился посадить девчонку под домашний арест. Пусть Самохина венчается со своим любовником, пусть припадают к ногам, меня не интересует, чем закончится это паскудное дело. Но если Айдархан будет заперта в своей комнате, никто уже не сможет обвинить ее в пособничестве. Вы согласны со мной?

Степан был принужден кивнуть, удивляясь смелости и решительности сидящей рядом с ним женщины. Самое главное, что если бы она не рассказала о своем плане запереть пытающуюся вырваться в город к подруге Айдархан, он – следовательно – нипочем бы не распознал фальши.

– Когда наша дорогая Айдархан начала превращаться в девушку, ну, вы понимаете, о чем я... – Степан принудительно кивнул. – Тогда я дала денег слуге, с тем чтобы тот следил за ней и не подпускал к нашей простушке досужих кавалеров, – доверительным тоном продолжила Чоглокова. – Не хочу, чтобы по простоте душевной эта глупышка попала в дурную историю. При дворе, как известно, любая женщина автоматически рассматривается как дичь, на которую не возбраняется устраивать охоту, тем более если это безродная и миловидная девчушка, за которую по-хорошему и вступить-то некому. Разумеется, я верю в любовь и сама вышла замуж по любви, но... повторяюсь, – она подняла вверх сложенный веер, – моя крестница выйдет за того, кого я ей сама подыщу или не выйдет вовсе.

При этом у Степана сложилось впечатление, будто бы Чоглокова не столько пытается довести это до его сведения, сколько надеется убедить саму себя. Уж слишком статс-дама преувеличивала собственную роль в формировании морального облика подопечной.

– А если вдруг выяснится, что этот самый доверенный слуга и есть ее любовник? – Степан не смог скрыть улыбку.

– Исключено, за Айдархан следит ее родной брат Бадархан, – отбила удар Чоглокова. – Собственно, это и так его долг, я же немного приплачиваю мальчишке в ожидании, когда на

горизонте появится достойный молодой человек. Да и Вася Шкурин приглядывает за малышкой, но он это делает уже по просьбе Алексей Григорьевича.

В коридоре послышались шаги, и вошедший лакей доложил о том, что за девицей Самохиной прибыла карета.

Проводив Марию Семеновну до крыльца, Степан заметил стройную, скромно одетую даму лет тридцати в изящном чепце с лентами, которая беседовала о чем-то с рослой чернявой девицей в розовом платье, поверх которого был накинут теплый дорожный плащ.

– Передайте Анне Васильевне, что вплоть до поступления особых указаний от государыни Полина Самохина будет находиться на ее попечении.

– С величайшей радостью! – Дама весело улыбнулась степенной статс-даме, а немало довольная таким раскладом девица повисла у той на шее.

– Простите, сударыня, до того, как поступить в услужение к Анне Васильевне, я служила в семействе ее сестры и воспитывала барышень Дусю и Полю буквально с их рождения.

– Что же, рада за вас. – Чоглокова обернулась к Степану. – Сделайте милость, передайте Синявскому, что сестра нашей беглянки будет находиться в доме ее тетушки. Так что, если он пожелает допросить ее, он будет знать, где искать.

При упоминании о допросах домоправительница окинула Шешковского долгим, изучающим взглядом.

Уже привыкший к подобным приемам, Степан не отвел глаз, нагло рассматривая даму. А чего не рассматривать, если она, хоть и в возрасте, но зато, как говорит экзекутор Кузьма, самая сласть. Возраст, когда женщина скорее всего уже познала любовь и, если не связана супружескими клятвами, ищет себе свободного кавалера.

Глава 10. Тяжело в ученье

РАСПРОЩАВШИСЬ С МАРИЕЙ Семеновной, Степан отправился в зимний сад, где его друган и боевой товарищ – следователь Антон Синявский – опрашивал слуг. Походив вокруг да около и поняв, что ждать придется дольше, нежели он собирался, Шешковский отметил, что Айдархан среди вызванных для допроса нет. Должно быть, ее уже заперли от греха подальше. Он приметил только юного бурята, должно быть, брата Айдархан, с которым дознаватель как раз в этот момент начал беседу.

Несмотря на то, что Антоша Синявский был старше Степана аж на девять лет, продвижение его по служебной лестнице происходило отнюдь не стремительно. Антоха поступил в контору отроком на подай-принеси, быстро прошел школу экзекутора, поднялся до дознавателя, где вот и сидел уже одиннадцатый год, не поднимаясь ни на ступеньку выше.

Привыкший управлять сравнительно небольшим штатом ближников, Ушаков требовал от своих подчиненных не только прилежания и служебного рвения, под его неусыпным контролем служащие Приказа постепенно становились мастерами на все руки. И если изначально они поступали на должности курьеров, топтунов-соглядатаев, фискалов, слухачей и прочее, постепенно ушаковские ученики должны были осваивать и прочие профессии. Но если красиво и быстро вести протоколы дознания могли единицы, и особо талантливые оставались на этих нехлопотных должностях годами, не привлекаемые к расследованиям, погоням и участию в экзекуциях, то остальные были просто обязаны уметь как ассистировать при допросах с пристрастием, так и выполнять всю прописанную в специальной инструкции процедуру самолично.

Каждый пришедший в Приказ новичок должен был в совершенстве изучить искусство быстро зафиксировать подследственного, эту науку преподавал Степану Антоха. Ловкий, как кошка, он набрасывал хомутик на шею отданного им на этот день для постижения науки воришке. Степан мучительно переживал из-за своего маленького роста, из-за которого он никак не мог сразу набросить чертову петлю на шею подопытного. Но да, тяжело в учении, легко в бою. Промучившись полный день и чуть не сломав нос подследственному, к ужину Степа, наконец, изобрел личный способ фиксирования допрашиваемого, для чего он не накидывал петлю сверху, как это делал Антон, а ловко оборачивал ее вокруг подбородка жертвы, словно поправлял воротник. Зашедший поглядеть на успехи юнца Ушаков остался доволен.

После того как Шешковский освоил различные узлы и уразумел, для чего в пыточной какой крюк приспособлен, главный экзекутор Кузьма поставил его учиться сечь розгами. Сечь приходилось с двух сторон, для этого жертву либо раскладывали на специальном столе, фиксируя руки и ноги, либо подвешивали за руки. Вопреки ожиданию, сечь было трудно, и за несколько минут Степан потел так, что его рубаху можно было выжимать. Наблюдая ученика в действии, Кузьма поучал его, заставляя то подойти к жертве под правильным углом, то следить за тем, когда с другой стороны удар наносит другой экзекутор.

При этом Кузьма особенно напирал на то, чтобы Степан учился контролировать силу своего удара, намекая, что рано или поздно ему придется столкнуться с деликатным предметом. Что такое этот самый деликатный предмет, Шешковский не знал, полагая, что, когда придет время, его известят об этом, снабдив новыми инструкциями.

Как-то раз, зайдя на привычную уже порку в пыточную, Степан застыл в дверях, прервавшись ненадолго в соляной столб. Перед ним, подвешенная за вытянутые руки, висела совершенно обнаженная девица, пышные ягодицы которой оказались почти на уровне глаз Шешковского. Оторопело уставившись на внушительного размера задницу осужденной, Степан сделал пару шагов на ватных ногах, когда Кузьма возьми да и подтолкни его, так что неза-

дачливый помощник экзекутора буквально врезался в безвольно висящее перед ним упругое, пахнущее розовой водой тело.

– Ой! – взвизгнула девица.

– Ой, – сказал Степан, теряя сознание.

В Тайную канцелярию то и дело присылали находящихся при высочайших особах барышень, дабы те набирались ума посредством хорошей порки. При этом один из служащих, чаще всего этим занимался Прокопыч, разъяснял негоднице причину ее нахождения в Приказе, отечески советуя, что следует делать и особенно чего не делать, дабы вновь не подвергнуться наказанию.

Неудивительно, что девственник Степан после означенных упражнений с розгами до утра не мог глаз сомкнуть. Коварный Ушаков не мог не знать, что творится с парнем, но в ответ на все просьбы избавить его от созерцания обнаженных нимф отвечал ехидным смехом: «Пообвыкнешься». И правда, не проспав кряду четыре ночи, на пятую Степан блаженно растянулся на своей узкой кровати и заснул, не видя во сне пышные прелести очаровательных созданий и не фантазируя, как бы чудесно он мог провести время с одной из них, не стой у него над душой Кузьма и не будь в этот момент в пыточной второго помощника экзекутора.

Постепенно он освоился настолько, что рискнул предложить Ушакову сечь приближенных Ее Императорского Величества девиц не в пыточной, где их могли видеть посторонние люди, последнее подчас наносило неисправимый вред репутации наказуемых, а выделить для этого дела специальный дом где-нибудь на окраине города, да хоть у дворца Разумовского на Аничковой заставе.

– Представьте, Андрей Иванович, собирается такая-разэтакая фру-мамзелина на куртаг, оделась, причесалась, припудрилась, села в карету и поехала. Едет себе, о танцах раздумывает, о кавалерах, кому бы сегодня голову вскружить, и того не знает, что по пути-то кучера ее на другого заменили, – разливается соловьем Шешковский.

– Как это заменили? На полном ходу, что ли, прыгать? – уточнял въедливый Ушаков.

– Так в городе чай кареты не быстро ездят, да и коли приказ высочайший вышел девусию полагающейся порке подвергнуть, неужели с кучером не договоримся? – Степан дождался, когда Ушаков махнет ему кружевным платком, давая разрешение продолжать, и не спеша зачал мысль развивать. – Привозит этот новый кучер прекрасную деву в наш тайный дом, там ее уже встречают добрые люди и под белы ручки проводят в кабинет. Девица, понятное дело, ничего не понимает, но что ей делать? Места вокруг незнакомые, подчиняется. Ее же вежливо усаживают в специальное кресло, села, и тут оно вдруг хлоп и провалилось вниз, так что на поверхности на уровне пола одна голова ее торчит. В таком положении она не имеет возможности увидеть экзекуторов, расположенных, как вы догадываетесь, этажом ниже, и, пожелай в дальнейшем отомстить, не сможет опознать, кто конкретно сек. Внизу же ее тело остается как бы зафиксировано таким образом, чтобы она ничего себе не повредила, но и самолично выбраться не могла.

– Любопытно, – Ушаков даже закусил длинную буклю седого парика. – И что же внизу?

– О, самое интересное, – улыбнулся Шешковский и тут же потупился, не к лицу ему, радости плотской не познавшему, своему непосредственному начальнику о таких вещах намекать, о делах, в которых нимало не смыслит, толковать. Впрочем, пронесло, не заметил запинки Ушаков, должно быть, о своем размышлял. – Внизу им задирают юбки, снимают аглицкие панталоны, ну и секут.

– А кресло мешает! – нашел ошибку Андрей Иванович.

– Не мешает, когда кресло начало опускаться, тело фиксируется, скажем, в районе талии, так что жертва невольно хватается руками за эту опору, голова опять же наверху. Кресло опускается все ниже и ниже, так что приговоренная повисает. Такое ее положение дает возможность экзекуторам сечь столько, сколько прикажут. Внизу ее крики и проклятия практически

не слышны, так что не только жертва не знает, кто ее сечет, но и экзекуторы понятия не имеют, с кем связались.

В конце процедуры кресло поднимается на том же механизме, так что экзекуторы сначала помогают выпоротой занять место, а затем поднимают ее на самый верх. Наверху ей уже объяснили, за что порота, это я забыл сказать, каюсь. Ей дают возможность привести себя в порядок, после чего в той же карете она доставляется туда, куда должна была прибыть.

– А как экзекуторы узнают, что пора заканчивать, если сверху до них не доносятся даже стоны? Нешто Прокопыч будет всякий раз бегать на нижний этаж? А если вдруг приговоренная или приговоренный, мы же и мужской пол, м-м-м, обслуживаем, чувств лишится?

– На этот случай я бы рекомендовал оборудовать кабинет специальным колокольчиком вроде того, каким слуг вызывают. Чиновник наверху дергает шнурок, внизу звенит колокольчик, сей звон сообщает о начале экзекуции. Кресло едет вниз, экзекуторы же входят в пыточную по звонку. В конце, когда внушение произведено и можно заканчивать, Прокопыч дергает за шнурок во второй раз.

– Эн ты дело говоришь, парень! – обрадовался Ушаков. – Сегодня же попрошу у государыни, чтобы выделила средства на столь полезное новшество!

Сказал и гордого собой Степана в тот же час собственной волей перевел в младшие дознаватели с повышением годового жалования.

– Вот женишься, семьей обзаведешься, поселим мы тебя в таком доме, будешь в нем жить и когда нужно фрейлин да юнгфер неразумных уму-разуму учить. Что зело удобнее, нежели сечь их на работе, к тому же всякий раз после встречи с «прекрасными нимфами», – передразнил он вдруг Шешковского, – чтобы не к потаскухам бегал, а к жене родной и любимой. Так, глядишь, и потомство у тебя вышло бы преизрядное, и польза отечеству.

Глава 11. Фредерика

9 ФЕВРАЛЯ 1744 года невеста Петра Федоровича София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская прибыла в Москву в сопровождении своей матери Иоганны-Елизаветы герцогини Гольштейн-Готторпской. На церемонии встречи, происходящей в Покровском, как это водилось за Ушаковым, внезапно оторванный от следствия Степан сопровождал своего непосредственного начальника, который специально выхлопотал для молодого человека разрешение находиться там на правах своей свиты. Впрочем, столь высокого доверия Шешковский был удостоен не за какие-то его заслуги, а исключительно для того, чтобы Андрей Иванович мог хотя бы издали показать ему тех, кто мог оказаться косвенно причастными к знаменитой краже. Разумеется, Ушаков не уполномочивал молодого следователя общаться с сильными мира сего, и то, что он все-таки допросил родственницу императрицы статс-даму Чоглокову, было исключительно его инициативой, на которую, впрочем, начальник теперь смотрел сквозь пальцы. Общаться с членами императорской фамилии или особами приближенными собирался сам Андрей Иванович на пару со своим пасынком Апраксиным, который благодаря дружбе с Бестужевым приобрел известное при дворе влияние. Впрочем, у кого-то приобрел, а кто-то теперь держал Степана Апраксина под подозрением, так что отец и сын, посоветовавшись, разделились таким образом, чтобы Степан Федорович общался с партией благоволившего к нему канцлера, который вместе со своим другом и сподвижником Иваном Антоновичем Черкасовым⁴⁹ открыто поддерживали связи с Венским, Саксонским и Английским дворами. Ушаков же был вынужден терпеть общество представителей партии маркиза де ла Шетарди⁵⁰, Михаила Воронцова⁵¹ и графа Лестока, которые поддерживали Францию, Швецию и с некоторыми оговорками Пруссию. Что, впрочем, не мешало Лестоку и Шетарди откровенно выступать за французскую принцессу Маргариту, а Воронцову стоять за Фредерику и против партии Бестужева, и против собственных однопартийцев.

– Вот он сам Михаил Илларионович с супружницей Анной Карловной, между прочим, урожденная Скавронская, двоюродная сестра Елизаветы Петровны, вишь как похожи. Статс-дама, все как положено. С Чоглоковой ты уже и без меня познакомился, тоже родственница, и также следует быть предельно внимательным. В позапрошлую зиму государыня повенчала Анну Карловну с Михаилом Илларионовичем, такую свадьбу гуляли, а теперь у них доченька Аня⁵². И Чоглокова в тот же год со своим Николаем Наумовичем под венцом стояла, аккуратно после Воронцовых, на ближайший мясоед.

Заметь, Анна Карловна не просто кузина, а подруга из тех, которые в любое время дня и ночи, ну, может, не в любое, но, в общем, могут и сами навещать, и люди от них постоянно письма-записочки приносят. В общем, наматывай, Степка, на ус, запоминай. Чоглокова так и вовсе безотлучно при высочайшей особе, и она, и муженек ее, вот не знаю почему, но не по душе мне этот Наумыч. Служит камергером у великого князя, но к супружнице своей то и дело забегает, и она к нему. Я это к тому говорю, что люди ко всему привыкают, и наши свидетели

⁴⁹ Барон (1742) *Иван Антонович Черкасов* (27 января (6 февраля) 1692 – 19 октября (30 октября) 1758) – русский государственный деятель, тайный советник, кабинет-секретарь Петра I, Екатерины I и Елизаветы Петровны. От него происходит баронский род Черкасовых.

⁵⁰ *Жак-Иоахим (Жоакен) Тротти*, маркиз де ла Шетарди (3 октября 1705 – 1 января 1759) – французский дипломат и генерал, который в качестве французского посланника в России в 1739–1742 гг. способствовал низвержению Анны Леопольдовны и приходу к власти Елизаветы Петровны.

⁵¹ Граф (1744) *Михаил Илларионович Воронцов* (12(23) июля 1714 – 15(26) февраля 1767) – российский государственный деятель и дипломат, которому обязан своим возвышением род Воронцовых. Один из ближайших приближенных Елизаветы Петровны и Петра III. С 1744 года вице-канцлер, в 1758–1765 гг. канцлер Российской империи.

⁵² Графиня *Анна Михайловна Строганова*, урожденная Воронцова (13 апреля 1743 – 21 февраля 1769) – фрейлина, единственная дочь и наследница канцлера графа М. И. Воронцова, жена графа А. С. Строганова.

тоже. Заладят одно и то же, мол, никого посторонних не было, никто не заходил, записок не присылал, а начинаешь копать – так их там как воров на Сытном рынке. Вопрошаешь, как так, почему на прошлом допросе не сказали, а они руками разводят: «да какой это посторонний».

Мимо них в зал прошли похожие друг на друга, точно родные братья, лакеи в красных ливреях с золотыми позументами, все в одинаковых белых напудренных париках и белых же чулках.

– Первая красавица столицы, да что там, пожалуй, империи, Екатерина Смарагда Кантемир⁵³. Двадцать четыре года, не замужем, так как медикусы ей давным-давно напророчили, что детей у нее не будет, да и сама хорошо коли до тридцати лет доживет. Оттого Елизавета Петровна ее с замужеством и не торопит. Сам знаешь, от этого дети случаются, а вот как раз рожать-то ей и нельзя.

– Что за имя такое – Смарагда? – Степан с трудом оторвал взор от удаляющейся красавицы.

– Дочь молдавского господаря князя Дмитрия Константиновича Кантемира⁵⁴. При дворе ее принято называть Екатерина Дмитриевна. Батюшка ее принял русское подданство и получил от Петра Алексеича титул Светлейшего Князя, женился на Анастасии Трубецкой⁵⁵, да вот незадача, помер, когда доченьке всего четыре годика было. С тех пор воспитывалась в доме своей матери и ее побочного брата Ивана Ивановича Бецкого. Ты его еще увидишь. Человек образованный, ученый. Намедни досье на него листал и выяснил одну замечательную пикантенку, принцесса-невеста... а впрочем, позже расскажу. Вот, гляди да не отворачивайся, после первой красавицы первый урод государства, злющая баба, даже я ее сторожусь, чур меня совсем, супруга Петра Ивановича Шувалова. Вот он сам в шелковом светло-фиолетовом кафтане французского покроя.

Опираясь на руку достаточно привлекательного супруга, по лестнице поднималась невысокая толстая дама с короткой шеей и одутловатым, синюшным как у завязтой пьяницы, лицом.

– Мавра Егоровна Шувалова, между прочим, из рода Шепелевых⁵⁶. Ты мог по незнанию допросить Чоглокову, и она никому даже не подумает наябедничать на тебя, ибо обиды в том не усмотрит. Мог сунуться к Екатерине Дмитриевне, но упаси тебя бог нарваться на Мавру Егоровну. Мне докладывали, – Ушаков придвинулся к самому уху Степана, – что чудище добилось доброго расположения государыни исключительно тем, что владеет каким-то особо приятным массажем ног. Впрочем, это сплетни, важнее знать, что означенная образина с детства на придворной службе, сначала камерюнгферой при цесаревне Анне Петровне. Затем фрейлиной при ней же в Голштинии. Угу, днем фрейлина и лучшая подруга госпожи, а ночью полюбовница ее мужа. В ее деле есть письмо, писанное самой Анной Петровной, когда та распознала неблагоприятный нрав своей любимицы, так там она жалуется сестре на то что, мол: «Герцог и Маврушка окончательно опошлись. Он ни одного дня не проводит дома, разъезжает с нею совершенно открыто в экипаже по городу, отдает с нею вместе визиты и посещает театры». Так-то. Самое удивительное, что когда Анны Петровны не стало, злосчастная Маврушка и не подумала загинуть в худородной Голштинии, а вернулась в Россию и, видишь ли, сделалась статс-дамой, да

⁵³ *Екатерина (Смарагда) Дмитриевна Голицына*, урожденная княжна Кантемир (4 ноября 1720, Петербург – 2 ноября 1761, Париж) – статс-дама, жена дипломата князя Д. М. Голицына.

⁵⁴ *Д(и)митрий Константинович Кантемир* (26 октября 1673, Молдавское княжество – 21 августа (1 сентября) 1723, поместье Дмитровка, Севская провинция, Киевская губерния, Российская империя) – молдавский и российский государственный деятель и ученый. Господарь Молдавского княжества (1693, 1710–1711). Его среднерусское поместье Дмитровка выросло в современный город Дмитровск.

⁵⁵ *Анастасия Ивановна Гессен-Гомбургская* (14 октября 1700 – 27 ноября 1755, Санкт-Петербург) – русская княжна из рода Трубецких, в первом браке княгиня Кантемир, дочь фельдмаршала князя И. Ю. Трубецкого, любимая сестра И. И. Бецкого, статс-дама.

⁵⁶ *Шепелевы* – старинный русский дворянский род, условно относимый к потомкам Облагини.

еще и вышла замуж за Петра Шувалова! Так что ты не смотри, что урод, урод да не тот, что за себя постоять не сможет.

Шешковский с удивлением проводил глазами странную пару, заметив напоследок, как ладный и пригожий Шувалов послал воздушный поцелуй какой-то даме.

– Ох, подвел ты меня, Степка, знал бы, какого ты дурака сваялешь, взашей бы прогнал, а не расследование наиважнейшее поручал.

Дурака Степан Шешковский действительно сваял преизрядного: вместо того, чтобы проверить, заперта ли в своей комнатке Айдархан, отчего-то свято поверил Чоглоковой, ее уверенности, предусмотрительности да знанию жизни. Список лиц, которых следовало опросить, был только начат, и, не обнаружив бурятки у дознавателя Синявского, Степан отправился по своим делам, полагая, что уж кого-кого, а сидящую под домашним арестом девушку он гарантированно не упустит. Так был уверен в своей правоте, что даже со своим коллегой парой слов не обмолвился. И что же, Айдархан и не подумала спуститься в зимний сад, а вместо этого вышла из дворца и, должно быть, направилась на встречу со своей подружкой, предположительно Самохиной. Должно быть, увидела, что в зимнем саду целая очередь собралась, да и решила, что успеет обернуться, не навлекая на себя гнев строгой крестной. И что теперь?

Обезглавленное тело Айдархан Степану пришлось осматривать буквально на другой день. Страшная находка обнаружилась в пожарном пруду недалеко от Александро-Невского монастыря. То есть сначала в воде было обнаружено тело, а затем страже удалось отыскать зарытую неподалеку голову девушки.

Преступник или преступники привязали груз к талии жертвы, но веревка оказалась ненадежной, груз пошел ко дну, и тело всплыло.

Степан участвовал в опознании и подтвердил, что узнал Айдархан. Отмытое от земли лицо казалось распухшим, Степану пришлось буквально заставить себя рассмотреть линию разреза на изуродованной шее и сделать заключение, что душегуб не отпил и не отрубил, а именно отрезал голову, что, как известно, обычному человеку не под силу. Получалось, что искать следует медикуса или хотя бы мясника. Потому как пилой любой дурак может отпилить голову, топором тоже сила есть – ума не надо, а вот ножом... тут как минимум нужно знать, как расположены позвонки...

Степана мучило, он худо-бедно закончил осмотр и, разрешив приготовить покойницу к погребению, накропал отчет, который тут же отвез Ушакову.

Вот из-за этого самого отчета нынче Андрей Иванович злой как собака. А все почему? Да потому, что, осмотрев голову, Степан постеснялся снимать с девушки платье и разглядывать обнаженное тело. Мало того, не пригласил более опытного следователя или медикуса и даже ничего не заподозрил, когда застал плачущего в саду у дворца брата Айдархан Бадархана. Парень лил слезы, прижимая к груди крошечные зеленые сапожки сестренки. Когда Степан поравнялся с ним, лакей поднял на него полные слез глаза, посетовав, что в воде ножка сестры разбухла, и теперь невозможно надеть на нее ее любимые сапожки.

Когда, уже добравшись до Ушакова, Степан только вскользь упомянул этот, с его точки зрения, незначительный разговор, Андрей Иванович буквально вскочил с места, схватил Степана за шиворот и вытолкнул за дверь. Обычно такой степенный и рассудительный Андрей Иванович на этот раз вылетел из дома, лишь в последний момент выхватив из рук подоспевшего слуги треуголку и на ходу пристегивая шпагу.

– Крошечная ножка сделалась большой? Золушка оказалась подделкой? – вопил он, подталкивая окончательно сбитого с панталыку Степана то в бок, то в плечо, отвешивая ему оплеухи, а то и намереваясь отодрать за уши. – Крошечная ножка! Ты уверен, что покойница Айдархан? – Крикнул он прямо в лицо Степана, брызгая на него слюной, когда молодой человек занял место в карете напротив своего патрона.

– Как бог свят! Уверен! Не извольте усомниться, Андрей Иванович! Как можно перепутать. Я ведь только вчера с ней общался, ну, как вот теперь с вами, как бы я попутал, если бы.

– Типун тебе на язык! Холера! Вишь ты чего удумал, меня опознавать. Так, может, сапожки не те?

– И сапожки те самые, я их разглядывал. Айдархан еще сказку рассказала, которую Петр Федорович хотел на сцене поставить. Я ее в отчете изложил.

– Но раз Золушка подлинная и туфельки ее всамделишные, отчего же тогда они друг с другом не сочетаются? – продолжал неистовствовать Ушаков. – Чему я тебя, дурня, учил?

– Не знаю...

– А вот я знаю. И даже могу предсказать, что когда мы доберемся до места, там не только туфелька будет не в пору, а пожалуй, и платьице. Хотя саван бывает и весьма широк. Сам догадаться или объяснять? Да следователь ты, в конце концов, или дешевый приبلуда? Пользуешься, стервец, моим благодушием! Не можешь? Не справляешься, сопля зеленая? Так и скажи, до смерти будешь на запятках карет настоящих следственных дел мастеров ездить, в кабаках речи пьяные слушать да донесения кропать.

Степан потупился, от ушаковских пощечин в голове звенело, щеки горели огнем.

Они вошли в холодную, в которой недавно Степан оставил несчастную Айдархан. Рядом с уже раздетой покойницей шустрили две, как ему показалось, одинаковые женщины в темных платьях и кожаных фартуках, готовили тело к обмыванию. Скучающего вида пожилой господин, по виду гробовщик, ожидал своей очереди снять мерки с трупа. Двое молодых охранников, оставленных Степаном надзирать за порядком, должно быть, так и не решили, кому находиться при покойнице, а кому на входе, теперь в присутствии Ушакова запоздало пытались выказать служебное рвение.

– Вот что, служивые, – ласково подозвал их Андрей Иванович, – давайте-ка вы двое, – он не глядя поманил охранников, – один берет деву за ноги, другой за плечи и кладет вот на этот стол, ага, именно сюда, а вы, матушки, свету побольше принесите. Ну, прямо все, что есть в наличии. Потемки здесь ни к месту. – Под начальственным тяжелым взглядом охранники на трясущихся ногах подошли к телу, и тут же тот, кому выпало поднимать девушку за плечи, грохнулся в обморок.

– Пустая порода, мякина, – выругался Ушаков. Послушные его воле женщины принесли несколько подсвечников и зажгли огонь. За обмывальщицами шел невысокий сутуловатый старичок в черном английском сюртуке и коротком паричке, в каких обычно ходят мастеровые. Это был любимый ушаковский делопроизводитель и секретарь Канцелярии Прокон Прокопович. Почтенному старцу давно уже пора было сидеть дома да внуков, а то и правнуков нянчить, но тот все не оставлял службы, и начальник не торопил должностя отпраться на покой. Каким образом старейший служитель Тайной канцелярии догадался, что его начальник именно сейчас прибудет на осмотр трупа, было непонятно.

– Здравствуй, Прокопыч. Бумага, чернила при тебе? Устраивайся где удобно и фиксируй происходящее. – Андрей Иванович подтолкнул Степана к трупу, и тот, борясь с позывами рвоты, заступил на место «павшего». Недовольный Ушаков, не дожидаясь помощи от своих помощников, сам перенес голову Айдархан на стол, пинком отодвинув начавшего приходить в себя парня. Впрочем, после того, как тот выказал неподобающую слабость, Ушаков даже не попросил вывести его на воздух или усадить куда-нибудь в уголок. Перешагнув через провинившегося стража, как через неодушевленный предмет, Андрей Иванович сосредоточенно смотрел на возню, которую учинили Степан и охранник у стола.

– Так, вначале соединим тело и голову. Аккуратно кладем тело на середину, так, теперь голова. Ты мне, помнится, в отчете описал только один разрез – на шее. А на теле что же? Чернила закончились?

– Так они же одинаковыми должны...

Андрей Иванович оттолкнул Степана и самолично приладил голову к тулову:

– Гляди!

Вначале Степан ничего не видел, то есть видел две грудки, пупок да поросль светлых волос внизу живота... Стоп, усилием воли он заставил себя смотреть в другом направлении и только тут, наконец, разглядел то, о чем, должно быть, с самого начала знал Ушаков. Цвет лица покойницы был более темным, нежели цвет тела. На одном из предыдущих расследований Шешковскому уже приходилось осматривать женский труп. У той удушенной женщины лицо тоже было темнее, но там было другое, там наличествовали синева и опухлость, а тут...

– Если на секунду забыть о том, что голова Айдархан отделена от тела и просто лежит рядом, если вообще забыть о том, что она мертва, и думать о жертве, как о живой девушке, как вы учили, – Степан с надеждой посмотрел на начальника, надеясь смягчить его каменное сердце точной цитатой. Надежда умерла раньше, чем сумела оформиться в нечто определенное. Как обычно, Ушаков был неумолим, и, вздохнув, Степан продолжил, – можно с хорошей долей уверенности утверждать, что цвет кожи лица Айдархан более темный и грубый, нежели цвет ее тела. Ее ли тела?! – пораженный собственной догадкой, Степан вытаращился на Андрея Ивановича, и тот впервые за их сегодняшнее общение заговорщически улыбнулся ему.

– Верно. Скажу больше. Если верить твоему отчету и тому, что говорил ее брат, у подлинной Айдархан и ноги были меньшего размера, и ручки, как я полагаю, не столь ухожены, как у этой... пока что неизвестной нам девушки. Эта, поди, платьев не стирала, юбок не расставляла, наряды бисером не расшивала.

– Двойное убийство?! – изумился Степан.

– Оно, притом дюже странное. Как ты считаешь, какой смысл прятать от нас тело твоей знакомой Айдархан? Что в нем было такого, чего господам из Тайной канцелярии тебе, мне, Прокопычу, Синявскому, Говорову знать не положено?

– Размер ноги... – неуверенно начал Степан и тут же заткнулся, напоротившись на насмешливый взгляд начальника.

– Только если она где-то в запрещенном месте этими своими крошечными ножками походила и следы оставила. Впрочем, во дворце, полагаю, не только эти ее сапожки сохранились, ежели пошарить, поди, и другая обувь отыщется, а по ней можно и следы опознать. Так что не подходит. Думай еще.

– А зачем прятать голову другой девушки? Подождите, подождите, я сам. – Степан обхватил ладонями виски, силясь не упустить удачную мысль. Андрей Иванович наблюдал за потугами юноши, скрестив руки на груди. – Я опознал Айдархан, потому что видел ее лицо, то же сделал Бадархан, а вот эту другую жертву мы не можем опознать как раз потому, что лица не видим. Стало быть, возможно, Айдархан убили только для того, чтобы замаскировать убийство неизвестной. Айдархан, конечно, тоже фигура не из последних, при дворе ее очень уважали и как мастерицу берегли, и надо же, чтобы вот так, глупо... только чтобы скрыть другое убийство, – он был готов разрыдаться, и Ушаков обнял своего ученика за плечи.

– Мы должны определить, кто эта неизвестная нам покойница и почему ее убили. Возьми себя в руки, Степан Иванович. Я ведь не могу все один делать. – Он легонько встряхнул юношу и предложил отпить из его фляжки.

Шешковский выпил, напиток оказался сладким и крепким, по телу разлилось приятное тепло.

– Прокопыч, составь отчет и вызови сюда медикуса. Пусть обследуют тело на предмет беременности.

– Беременности?

– Мастерица, говоришь, выгачки расшивала, это значит, что заказчица начала полнеть, а когда женщина беременеет, ей и в груди платье тесным делается, и в талии, да и в бедрах тоже. Было что при ней, что опознать можно, милые? – обратился он к, казалось, лоящим

каждое его слово женщинам. – Ваши услуги понадобятся несколько позже, так что соберите вещи, которые были надеты на труп, просушите их, только ради бога не стирайте и не чистите. Степа, а ты найдешь людей, с которыми эта самая беглая Самохина была ближе, и пусть они попробуют опознать платье, ну или тело. Работенка, доложу я тебе, предстоит нехилая. Но главное дело тут понять, как эти убийства связаны с той давней кражей? И связаны ли вообще.

– А как они могут быть связаны? – опешил Степан, вдруг обнаружив, что они уже вышли на улицу.

– Жемчуг был нашит на платье Айдархан, в краже я обвинял Разумовского, Айдархан, как я понимаю, тоже подарили ему, а вот теперь она убита.

– Так ведь мы же решили, что ее убили, чтобы спрятать другое убийство. Так?

– Да кто же его знает, как на самом деле? – Ушаков дождался, когда заметивший его кучер подал карету, и, кивнув Степану, оставил его заниматься делами.

И вот теперь, после всех этих треволнений, осмотров и свидетельств, вместо того чтобы плотно заняться двойным убийством, злодей Ушаков буквально вытащил его ночью из теплой постели, втолкнул в запряженную шестерней карету и повез в Москву. Двое суток в пути в компании готового поучать тебя с утра до ночи и с ночи до утра барина – это еще то удовольствие. Оказавшись же в Первопрестольной, Степан только и успел, что умыться с дороги в отведенной ему клетушке при Преображенском приказе, после чего неугомонный Ушаков велел ему облачиться в роскошный синий с серебром кафтан, надеть черный, пахнущий невесть чьими духами, парик и в таком замечательном виде сопровождать его на встречу с невестой наследника престола.

В любой другой раз Шешковский бы, наверное, бежал впереди запряженной четверкой сытых коней кареты начальника, глупо улыбаясь и представляя, как совсем скоро окажется в высшем обществе и увидит... Теперь его глаза слипались от проведенной в компании словоохотливого Андрея Ивановича ночи, а роскошные наряды придворных слились в одно нескончаемое полотнище, как бывает, когда долго вглядываешься в кружащуюся на ярмарке карусель.

– Алексей Григорьевич Разумовский! Да поклонись ты, бестолочь! Не дожидаясь, что он сам тебя приметит, – ворвался в сонный морок раздраженный голос Ушакова, и Степан успел склониться перед всесильным фаворитом за мгновение до того, как тот сам шагнул к Ушакову.

– Мне уже доложили об Айдархан. – Несмотря на румяна, лицо Алексея Григорьевича казалось бледным и осунувшимся. Облаченный в модный светло-голубой бархатный кафтан, фаворит казался постаревшим на несколько лет, в волосах добавилось седых нитей, губы предательски дрожали. – Андрей Иванович, ты уж споймай убийцу. Слови его, негодяя. Такую девочку загубил, каналья! Я же ее с самого детства знаю. Не чужая. А тут... мало того, что подло убил, но чтобы так жестоко... чтобы обезглавить... в пруд бросить...

– Понимаю, Алексей Григорьевич, сочувствую. Сами недавно с опознания. С княгиней Гагариной теперь мой пасынок общается, предположительно тело ее племянницы мы обнаружили рядом с головой Айдархан. Допросит Анну Васильевну и без промедления сюда, надеюсь, скоро что-нибудь прояснится.

– Здравствуйте, Степан Иванович, – казалось, Разумовский только теперь заметил Шешковского, причем, во всех смыслах невелика птица, хотя... отчего-то Степан был уверен, что Алексей Григорьевич блефует.

Изящно развернувшись, Разумовский покинул следователей, и тут же на его место заступил высокий и толстый пасынок Ушакова Степан Федорович Апраксин. Знаменитого генерал-аншефа еще до этого следствия Шешковский видал несколько раз в доме у своего начальника, так что лишние представления были ни к чему. На этот раз Степан Федорович приоделся в белый кафтан с маленькими обшлагами зеленого цвета, согласно моде петли были обшиты серебряным позументом с некрупными кистями.

– Анна Васильевна слегла нынче, – прикрывая рот изящным платком, так чтобы посторонние не могли прочесть по губам, – сообщил Апраксин. – Как только гонец из Тайной канцелярии к ней пожаловал с просьбой явиться на опознание, так в обморок и бухнулась. Я как раз к ней заехал, а там такое! Домоправительница ее так, бедная, издергалась, со мной буквально парой слов перемолвилась – и к госпоже. Говорит, медикус опасается, как бы удар не хватил. Сыскарь наш из Тайной канцелярии ей с три короба наговорил, а Анна Васильевна после сложных родов едва очухалась, потом от ребенка недужного не отходила, потом путешествие это утомительное, и вот теперь опознание. Одного не понимаю, нешто через меня было не передать? А теперь ее как расспросишь?

– Я не посылал! Кто посылал? – Ушаков злобно воззрился на Шешковского, но тот был не в курсе. – Разберусь. Я же изначально распорядился: к придворным – я и Апраксин, со слугами и прочей... м-м-м... шелупонью – Шешковский. Кто посмел к приближенной к особе императрицы черт-те кого посылать?

– Насчет черт-те кого не знаю, а подпись на документе вашего заместителя. Я видел. И не кричите вы так, я трех коней до смерти загнал, пока к вам из столицы добирался. На нас уже оборачиваются. Потом поговорим, видите, герцогиня с дочкой уже прибыли. – Он кивнул на лестницу, по которой как раз в это мгновение поднимались две дамы: энергичная привлекательная герцогиня в изящном зеленоватом платье и белом паричке, украшенном тонкой диадемой, и невысокая темноволосая девушка с умненькими вострыми глазками, с гладкой, аккуратной прической и заколкой в виде веточки жасмина.

Маленький Шешковский был вынужден подняться на цыпочки, чтобы разглядеть невесту наследника. Решив с самого начала, что при первой возможности улизнет с приема, Ушаков специально выбрал место на лестничной площадке, откуда можно было ретироваться, не привлекая к себе излишнего внимания. К сожалению, когда Апраксин сообщил о прибытии Софии Фредерики и развернулся к ней, Шешковский оказался за спинами высокого и тощего Андрея Ивановича и огромного, как скала, Степана Федоровича, так что он почти ничего не видел, крутясь за ними и только что не подпрыгивая. Этот маневр не остался незамеченным, и, проходя мимо, Фредерика весело подмигнула незадачливому молодому человеку, тут же спрятав предательскую улыбку за простым кружевным веером.

Дамы быстро поднялись по лестнице, и, на секунду замерев на месте и дождавшись: «Именем Ее Императорского Величества, София Августа Фредерика принцесса Ангальт-Цербстская и мать принцессы Иоганна-Елизавета герцогиня Гольштейн-Готторпская...» – чинно вошли в зал.

Глава 12. Мечта

– НАШ ПОСТРЕЛ ВЕЗДЕ поспел! – рассмеялся Андрей Иванович, подталкивая в спину ошалевшего от такого неожиданного знака внимания юношу, дабы тот шустрее перебирал ногами к выходу. Ошарашенный неожиданно благожелательным приемом, Шешковский перелетал через ступеньку, подгоняемый своими мучителями, а меж тем где-то там, в недоступном Степану Тронном зале, величественная и прекрасная императрица восседала на высоком троне. Рядом с ней по правую руку сидел невзрачный наследник престола, в то время как третий трон по левую руку от государыни традиционно оставался пустым. Наверное, герцогиня и принцесса склонились перед тронном в глубоком придворном поклоне, не смея поднять глаз, а может, наоборот, смотрели с обожанием и восторгом. В конце концов, именно за этим они и ехали из своей Европы. Наверное, сейчас они уже обмениваются любезностями, скорее всего на немецком, кто-то говорил, что Елизавета Петровна прекрасно владеет этим языком, а потом обе гостьи целуют протянутую им ручку. У государыни должны быть очаровательные пухленькие ручки с перстнями на каждом пальчике. А у Фредерики, какие, интересно, ручки у принцессы? Должно быть, маленькие, она и сама кроха.

Размечтавшись, Степан пропустил, как слуги помогли надеть шубы Андрею Ивановичу и Степану Федоровичу, и очнулся лишь, когда подбитый волчьим мехом плащ покрыл его собственные плечи.

– Гляди, чтобы тебе, господин хороший, после такого под особо пристальное внимание Тайной канцелярии не попасть, – толкнул его Степан Федорович.

– Или Преображенского приказа, мы как раз туда направляемся, – поддакнул пасынку Ушаков.

– Князь Салтыков, камергер цесаревича, подполковник Тимофей Вожаков и сопровождающие их лица, по приказу государыни встречающие невесту наследника в Митаве, дабы торжественно въехать вместе с ней в Ригу, уже на заметке генерала Шувалова.

– А что? Первые встретили, можно сказать, в чистом поле, без свидетелей. Узнаю руку моего заместителя, – Ушаков хлопнул Шешковского по плечу. – Вот ведь головушка горячая, во всех ищет изменника. И ведь находит, каналья! Бедный Салтыков, не придется ко двору Фредерика, его первого на дыбу, да под пытками и выведает, что у них там происходило с принцессой. С подробностями...

– Да полноте вам, Андрей Иванович! Какие подробности, у князя полно свидетелей. Отстоят как-нибудь, – попытался прекратить неприятный разговор Апраксин.

– А действительно, какие свидетели? Десятка два молодых офицеров из Потешного взвода – друзья Петра Федоровича, разве ж это свидетели? Да Шувалов их показания либо в расчет не возьмет, либо рядом с Салтыковым ответ держать заставит. Как ни крути, сынок, а все равно красавчику Сереженьке не избежать проверки, пропал князь, и родня не поможет. А уж что ждет нашего Степу Шешковского, коли лысая башка о его шашнях проведает! У-у-у, Сергей Васильевич, хотя бы в присутствии других офицеров с принцессой любезничал, а тут так вообще, можно сказать, с глазу на глаз...

– Да я, да вы же сами видели, что ничего не было. А что до Приказа, да я же все равно там служу. Весь на виду, ну точно гусь ощипанный.

– Весь на виду ты будешь, когда тебя, голубчика, наперво донага разденут да хомут железный вокруг шеи обернут, а перед этим еще кнутом попотчуют, чтобы не отбивал невест у самого...

Степан залился краской. Он был давно привычный к грубоватому юморку начальника, но на этот раз отчего-то слова пролились на душу незадачливого Шешковского благостным

бальзамом. Перед глазами уже не маячила отрезанная голова в компании с обезглавленным телом, но воцарилась и, должно быть, надолго темноволосая смешливая девчонка.

– Отправленный на осмотр трупa лекарь велел передать, что обезглавленная девица находилась в тягости. Так что не исключено, что убили ее именно поэтому, – на ходу, кутаясь в лисью шубу, как ни в чем не бывало продолжил Апраксин. – Я, признаться, подробностей еще не разведal и теперь намерен отобедать у приятеля, давно звал, затем в Приказ и ночью уже домой. В карете отосплюсь, а там... никому не смог доверить без меня допросить Анну Васильевну. Петруша Говоров сказывал, будто бы в день нашего отъезда к ней вторая племянница пожаловала. Эх, кабы я тогда знал об этой девице, попытался бы хоть с ней переговорить. А тут...

У крыльца, выстроившись в ряд, чинно поджидали своих господ запряженные четверкой кареты и «линейки». Слуга распахнул перед господами дверцу кареты, в которую первым забрался Ушаков, за ним Апраксин и, наконец, Шешковский. После встречи с принцессой Фредерикой тот, признаться, с большим удовольствием прошелся бы пешком, вспоминая дивную девушку и представляя, как бы у них все могло отлично сложиться, будь она его соседкой или дальней родственницей. И это даже ничего, что на улице морозно и к вечеру, по всем приметам, ветер будет срывать с головы шляпу, бросая в лицо пригоршни колких льдинок. Ближе к вечеру городские по столичному обычаю станут жечь костры, как написал в своем донесении прусский посол: «Русские настолько дурны, что зимой палят дрова, пытаясь отапливать улицы, но от этого не становится теплее». Сколько раз вот так Степан Шешковский грел озябшие руки у ночных костров града на Неве, напиваясь дармовым теплом и собираясь с силами для следующего перехода. Если ты попал в зимнюю Москву или Петербург и у тебя нет ни валенок, ни иной подходящей для этого времени года обуви, с ногами можешь попрощаться. Безденежный, безлошадный канцелярский писарь, да, в ту пору он еще был писарем, передвигался по городу от костра к костру. Сейчас же еще не поздно, и никаких костров, скорее всего, нет. Тем не менее все, чего в данный момент желал Степан, – это прогуляться в одиночестве, мечтая о прекрасной Фредерике и во всех красках представляя свое невозможное счастье. Нет нужды, что он плохо знает дорогу, в карманах дорогого кафтана позвякивают монеты от самого Разумовского. Заблудишься, нешто добрые люди не доведут до самого Приказа?

Впрочем, Разумовский ведь сказал, что озолотит того, кто распутает дело о краденном жемчуге, значит, и он, Шешковский, может на что-то надеяться. Быть может, даже его наградит сама государыня, пожалуют деревенькой душ в полтораста, повысят в должности или даже... А впрочем, чем это может помочь, когда София Фредерика не сегодня-завтра делается великой княгиней, а затем, страшно подумать, императрицей и... оставался еще вариант, она могла не понравиться жениху. Ерунда, как такая девушка может не понравиться? Или он ей? Опять нелепость. Нравится, не нравится, кто ее будет спрашивать, она и в Россию приехала не чаи распивать, а замуж выходить. А значит, выйдет, и при чем здесь любовь какого-то заурядного сыскаря?

Впрочем, остается еще один вариант, о котором приятнее всего мечтать, – что Фредерика так влюбится в него, что согласится на побег, они обвенчаются в какой-нибудь церквушке и... Нет, сначала она должна сменить вероисповедание, иначе нипочем не обвенчают, а уж потом?

– Ты слушаешь или уже спать завалился?! – По давней привычке Ушаков сопроводил вопрос тычком острого локтя, аккуратно в правый бок размечтавшегося Шешковского.

– Я да... слушаю... – Степан ошарашенно вперился взглядом в, по всей видимости, давно о чем-то вещавшего Апраксина.

– Вот молодежь пошла, не то что в былые времена. В конторе спят, на осмотре трупa зевают, во дворец отвел – снова носом клюет. Никаких интересов в жизни, набить брюхо да на боковую.

– Да ладно тебе, каждый может устать, – примирительно махнул платком Апраксин. И Шешковский невольно отметил для себя, что в присутствии посторонних Степан Федорович называл отчима на «вы», в то время как наедине или со своими – на «ты».

– Еще одно, вы, я так понимаю, не успели обследовать пруд, в котором нашли тело предположительно Самохиной и голову Айдархан, а вот я, поняв, что с Анной Васильевной потолковать не удастся, сразу же туда и отправился.

Шешковский затаил дыхание. В который раз за сегодняшний день здоровенный и, как о нем говорил Ушаков, ленивый Апраксин удивлял его своей сметливостью и несвойственным для людей его комплекции проворством.

– Докладываю, вокруг озера походил, натоптано, что на Сенном рынке, тем не менее кое-что разглядел. В общем, их привезли в легкой карете, запряженной всего одной лошадкой.

– Стало быть, недалеко везли. Далеко одна-единственная кляча нипочем бы не вытянула целую карету, подохла бы скотинка на наших дорогах, – рассуждал сам с собой Ушаков.

– У дороги ясно видны следы сапог, большие и поменьше. Зато крови или, скажем, следов борьбы почти совсем нет, что говорит о том, что? – он озорно поглядел на Шешковского, продолжит ли тот начатую мысль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.